

Николай Липницкий

На развалинах
старого мира

Николай Липницкий
На развалинах старого мира

«Автор»

2019

Липницкий Н. И.

На развалинах старого мира / Н. И. Липницкий — «Автор», 2019

Много лет назад технократическая катастрофа, прозванная в народе "Ужас" отбросила человечество в своём развитии на много веков назад. Организация под названием "Хранители" сумела сохранить достижения цивилизации и теперь проводит осторожную работу по возрождению человечества. Возвращать забытые знания нужно постепенно, строго дозировано. И здесь самое главное - это строгий контроль и принцип "не навреди". Самую сложную и опасную работу выполняют полевые агенты, такие как герои этой книги Кот и Женька.

© Липницкий Н. И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог.	5
Часть 1. Брат волколака.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Липницкий

На развалинах старого мира

Пролог.

10 сентября 2008 года, после долгих лет разработки, строительства и отладки, на границе Швейцарии и Франции заработал Большой адронный коллайдер. С тех пор споры вокруг этого титанического сооружения не утихали ни на один день.

«В результате работы коллайдера может образоваться микроскопическая черная дыра, которая разрастется и поглотит весь мир» писала газета «Нью Йорк таймс».

«Во вторник, 30 марта, в 9 часов по московскому времени в Большом адронном коллайдере (БАК) впервые начали проводиться опыты столкновения пучков протонов с рабочей энергией столкновения 7 ТэВ (пучки по 3.5ТэВ). Столкновения протонов с такой энергией могут привести к доказательству существования Бозона Хиггса» сообщала газета «Правда».

«Ученые CERN смогли разогнать пучок нейтрино до скорости, на 60 наносекунд превышающей скорость света» вторила ей «Берлинер Цайтунг».

«Часть ученых считает, что в коллайдере могут образоваться сгустки антиматерии, которые начнут аннигилировать с материей. В результате такой реакции вся Вселенная будет уничтожена» предупреждала «Вашингтон Пост».

«Нынешние страхи по поводу большого адронного коллайдера напомнили страхи столетней давности, когда в прессе появились сообщения о том, что г-н Рёнтген изобрёл аппарат, который «видит насквозь».

В США в газетах многие стали требовать принимать меры к тому, чтобы не допустить посещения театров и иных публичных мест джентльменами с рентгеновскими аппаратами. Дабы не посягали на женскую скромность» смеялись над паникёрами в «Гардианс».

Однако в один, не самый прекрасный день всем стало не до смеха. Сначала над коллайдером появилось зеленоватое свечение. Тысячи людей приезжали к Европейскому Центру Ядерных Исследований со всего света, чтобы полюбоваться на необычное явление. Руководство центра выступило с опровержением слухов о том, что свечение явилось результатом проведения экспериментов. Директор CERN заявил, что все эти переливы не более, чем преломления света в запыленной атмосфере. Как раз, к этому времени, опять рванула парочка вулканов в Исландии, и на выбросы вулканического пепла в атмосферу можно было списать многое.

Только, дальнейшие события показали, что не всё так однозначно. «Страшное потрясение постигло семью фермеров из кантона Санкт-Галлен. Вечером, когда они собирались уже ложиться спать, к ним в дом пришёл отец главы семейства, которого похоронили три месяца назад на местном кладбище», писала швейцарская газета «20 Minuten». Многие тогда восприняли эту новость, как дурацкий розыгрыш. Однако уже на следующий день таких случаев стало около десяти, потом стали поступать сообщения из разных уголков страны, и количество их перевалило за сотню, а, потом, и за тысячу. События развивались с лавинообразной скоростью. В тысячи и тысячи семей стали приходиться покойники. Они ничего не делали. Просто сидели и смотрели перед собой. Но и одного этого было достаточно, чтобы поднялась паника.

Одной Швейцарией дело не успокоилось. Подобные случаи начали происходить по всему миру. Учёные ломали головы, а кликуши различного толка бились в истерике, предсказывая конец света. А потом появились Инферно. Так их называли с лёгкой руки одного из журналистов. Жуткие, антропоморфные создания, возникающие неожиданно, прямо из воздуха, нападали на людей, выводили из строя аппаратуру, а после того, как под их воздействием рванула

атомная электростанция в Арканзасе, начался полный кошмар. Одна за другой стали взрываться АЭС по всему миру. Не отставали от них нефтеперерабатывающие заводы, нефтяные и газовые промыслы, стали падать самолёты и само собой выходить из строя оборудование. И на всём этом фоне Большой Адронный Коллайдер набирал обороты и работал уже без участия людей. Неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы не подвиг одного из младших научных сотрудников Вайса Гюнтера, сумевшего пронести в аппаратную ящик с динамитом и подорвать его. Учёный погиб, но цепь детонаций, вызванных взрывом, разнесла установку на куски. Инферно исчезли, однако, мир уже стал другим. Человечество скатилось в мрачную пучину средневековья.

Больше половины населения земли погибло, а те, кто остались, подверглись различным мутациям. Поначалу это никак не проявлялось, а вот в последующих поколениях мутации стали видны. То с хвостами дети стали рождаться, то с другими явными признаками животных, зверья разного, а то и способности необычные появлялись. В некоторых местах люди принялись бороться за чистоту крови, изгоняя, а то и убивая мутантов, не понимая, что и сами обладают мутировавшими генами, которые пока себя не проявили. В других – относились к мутантам спокойно.

Человечество разлетелось по опустевшей земле, словно осколки. Населённые пункты жили сами по себе, почти не поддерживая друг с другом связь. В деревнях возродились родоплеменные отношения, где-то, вообще, скатились в пещерный век. Кое-где возобладал матриархат. В городах, точнее, в том, что от них осталось, было полегче. Хоть и старались отыскать на развалинах оставшееся от прошлой цивилизации, но и восстанавливались ремёсла. Люди выживали, как могли.

Часть 1. Брат волколака.

Похолодало. Лист краем уже желтизной пошёл. Осень на носу. Значит, Степанида мужиков в лес на днях погонит. Дрова на зиму заготавливать. Пора двуручную пилу точить. Напильник, уже, совсем щербатым стал. И точит плохо. А где новый взять? Тут металл такой, что даже заречный кузнец руками разводит, хоть и мастер редкий. Его слава далеко по округе разносится. Таковую сталь не сварить. И болотное железо не даст такой твёрдости. А из остатков того, что с пепелищ притаскивают и подавно. Хорошо, хоть, ножи да косы делает. Скоро опять в лес. Сосны валить, дело, конечно, привычное. Но тяжёлое, однако. А им, бабам, что? На совет собрались и постановили. И не перечь. Баба – она голова. Хотя, права Степанида. Зимой не один раз спасибо скажешь, что по осени спину ломал на лесозаготовках. Если бы ещё безопасно было.

Так думал Женька, крутя колодезный ворот. С одной рукой-то не шибко удобно, да уже привык. Два года назад отхватил ему кисть волколак именно на лесозаготовках. Не уследили тогда бабы в охранении. А мужики что? Тягловая сила. Одна надежда на женщин. Они и защита, и надёжа, и голова. С арбалетами вокруг заимки встанут, и давай пасти. А вот тут, как кто им глаза отвёл. Проскочил волколак проклятый. Женька только и успел, что рукой горло закрыть. А волколак, хрясь, и откусил кисть. Вот теперь парень на самой никчёмной работе и прозябает. Правда, от лесозаготовок его это не освобождает. Двуручную пилу и одной рукой тянуть можно. Как и воду таскать. Рукой ворот провернул, культёй притормозил и ведро наружу. Женька приноровился уже. Да и Кузьмич самострел удобный сварганил. Ногой упираться в землю, рукой тетиву рычагом взвёл, стрелу вставил и вперёд. Одной рукой не быстрее, конечно, чем двумя, но, всё равно, сподручно. Так что, Женька и с мужиками на охоту ходит. Кушать все хотят. Общине дичь нужна. И, кому интересно, что он с одной рукой? Кушает-то, как двурукий.

Вот, только, культя в последнее время зудит сильно. И выросты какие-то на ней появились. Не хочется думать о плохом. Не дай Бог, то, о чём всё чаще думается. Женька взял полное ведро с водой и потащил на кухню, где всю кухню дядька Егор и Степан.

– Таскай побыстрее, увечный! – подогнал Женьку Степан. – Воды много надо. Бабы сегодня совет держать будут. Тут на один самовар вёдер шесть надо. Не говоря о том, что и стол накрыть. Что за культю держишься?

– Да нет, ничего, – стусевался Женька, прикрывая ладонью вырост на культю.

Его самого тревожил этот вырост, появившийся не так давно, но всё больше напоминавший ладонь. Не дай Бог, действительно. И за меньшее из деревни прогоняли. В деревне непятки не нужны. Если проявляются всякие способности, не присущие людям, сразу вон. В прошлом году совсем маленького пацанёнка, лет десяти, выгнали, только за то, что один глаз налево, а другой вверх и падучая часто случалась. А младенца, что у Надюхи родился, сразу умертвили. Хвост у него был. И не помогло, что Надюха в совете деревни состояла. А тут, похоже, кисть опять вырастает. Это, точно, не понравится.

Вот, такие мысли безрадостные. А, откуда радостным-то взяться? Правда, за ними и работа быстрее идёт. Воду натаскал, стол помог накрыть, и присел у сарая на завалинке, наблюдая за причудливыми формами, которые принимают плывущие по небу облака. Главное – не отвечивать и у баб под ногами не путаться.

– Жека! – раздался голос из-за забора. – Иди. Бабы на совет зовут.

А, вот это, совсем не хорошо. Если на совет мужика зовут, это всегда не к добру. Бабы, они, обычно, проблемы сами решают. Если мужчину подтягивают – это уже тревожный знак. Не нужен мужик на совете.

Вот, как накаркал. Сидят вокруг стола. Все насупленные, суровые. И взглядом, словно насквозь просвечивают. Слышал Женька про какие-то приборы, что были до Ужаса. Типа, заходишь в кабинку, а он все твои внутренности показывает. Только, вот куда показывает и что за кабинка, не ясно. Но, вот именно так и смотрят.

– Покажи-ка нам культу свою, – ничего хорошего не предвещающим голосом произнесла Степанида.

Да что прятать-то? Вот она. Женька вытянул вперёд обрубок руки и помахал перед бабами.

– По новой отрастает, – диагностировала Настасья.

– Ну да, – поддержала подругу Оксана. – Мутант.

– Погодите, – возмутился Женька. – Какой мутант? Я с вами в одной деревне много лет, а вы мне тут такое?!

– Кто же тебе виноват, что ты так умело скрывался? – резюмировала Степанида. – Я, бабоньки, так мыслю: изгнание.

– Конечно изгнание! – поддержала её Аглая. – Не хватало ещё у нас таких уродов.

Остальные бабы, хоть и не высказались, но тоже поддержали своих товарок. И ни одного взгляда не то что поддержки, но, даже, просто сожаления. Проголосовали и вычеркнули.

– Я надеюсь, что ты понял, – припечатала ладонью по столу Степанида. – У тебя время до утра. Если не уйдёшь – поднимем на вилы.

Ну да. Понятнее некуда. Хотя, обидно. Из-за какого-то выроста вот так выгнать? Но против баб не попрёшь. Спасибо ещё, что до утра время дали. На вечернем молебне волю совета провозгласили, так что, даже родители с опаской косились на Женьку, когда он собирал котомку. Да и, что там собирать-то было? Ну, мыло с зубным ёршиком из щетинок бобра – само собой. Одежку какую-никакую, да поесть на первое время. Снаряжение, лесу необходимое – само собой. Как и оружие и инструмент всякий. Вот и все сборы. В одиночестве перекусил на дорожку и на выход.

Вообще-то, на ночь глядя, из деревни не выходят. Ночью в лесу всякое может быть. И волколаки на охоту выходят, и сыть неосторожную жертву поджидает, а возле водоёмов и вообще жуть: водяной караулит. Только поближе подойдёшь, вмиг на дно утащит. Но, срок даден. До утра. А то, что утром, если он в деревне останется, на вилы поднимут, это к бабке не ходи. Так и сделают. То, что уйти дали, и на том спасибо. Вон, в Збруевке, как только в мутации заподозрят – сразу на костёр. Так что, Степаниде в ноги кланяться за доброту надо.

Пока светло, Женька старался отойти как можно дальше от деревни. Ночью-то, какое хождение? Самоубийство одно. И речь не только о хищниках. Тут, в темноте, можно и ноги переломать и глаза выколоть. Значит, надо отойти подальше, забиться куда-нибудь под корни и переждать до утра. А утром, уже, дальше идти. Куда? А кто его знает. Вот найдёт Женька место для ночлега, а там и подумает. Но к людям выходить нельзя. Это однозначно. Не все такие добрые, как Степанида. Не зря Женьке Збруевка вспомнилась. Тут таких – пруд пруди. Не костёр, так кол или петля. Всё едино. А жить-то хочется.

Уже почти стемнело, когда Женька нашёл неплохое место для ночлега. Неизвестно, что за сила наполовину повалила старую мощную сосну. Но сосна не упала, а так и застыла в наклонном положении, выставив корни веером, словно огромный навес. Натаскав в яму палых листьев уже при слабых остатках света, улёгся, свернувшись калачиком. Ночь показалась бесконечной. Поспать так и не удалось. Женька лежал под корнями и вздрагивал от каждого шороха. Где-то выли волколаки, затеяв свои брачные игры, ушастые шуршали по кустам всего в двух шагах и совсем недалеко тяжело вздыхал в зарослях лещины горбатый дед. Дед больше всего напрягал, потому что находился рядом и был в плохом настроении. Это чувствовалось по тому, как нервно он переступал своими ногами и фыркал. Уж познакомится с его плоскими и острыми копытами никак не хотелось. Из-под них мало кто живым выбирался.

Ближе к утру, горбатый дед ушёл по своим делам, и парень вздохнул посвободнее. Теперь можно подумать, что делать дальше. Поспать всё равно не получится. Куда податься? К людям нельзя. Однозначно. По крайней мере, пока ладонь не отрастёт. А, потом, уже и видно не будет, что он мутант. Если, конечно, кто-то его с культёй раньше не встречал. Тогда, что? Нужно строить себе в лесу жильё. Ну, на избушку, хоть и плохонькую, замахиваться с одной рукой не след, а вот шалашик замастырить, или земляночку, можно. И безопасностью своей озаботиться тоже нужно. Только, отойти подальше. Решено. Идти надо до того, как солнце в зенит не встанет. А, потом, уже и о жильё думать.

Приняв такое решение, Женька успокоился и, даже, подремать умудрился, пока на лес не упали первые лучи утреннего солнца. Тянуть больше некуда. Парень поднялся, размяк затёкшие конечности, с хрустом потянулся и, закинув котомку за спину, пошагал дальше. За пол дня уйти нужно было как можно дальше, поэтому Женька двигался волчьим шагом, иногда переходя на волчий бег так, как учил их, ещё пацанов, старый охотник Федот. К тому времени, как солнце встало в зенит, уйти удалось достаточно далеко.

Эта полянка приглянулась Женьке сразу. Солнечная, несмотря на то, что небольшая и с небольшим песчаным оврагом, в котором бил родник с вкусной водой. Одно напрягало – малинник с краю. Хозяин, точно, наведается за сочными ягодами. Но, там видно будет. В песчаном откосе вырыл нору, забрался туда и огляделся. В принципе, неплохо. Нужно будет заготовить шестов, укрепить свод и расширить пещерку. А, потом уже, оборудовать полноценную землянку. Ну, это завтра. Жить можно, короче. На полянке соорудил что-то вроде очага. Натаскав хвороста, привычно прихватив зубами трут, зажал подбородком огниво и с помощью кресала добыл огонь. Бросив всё на траву, быстро выхватил изо рта трут, помахал им, раздувая, и сунул в кучку сухого мха, слегка подув. Вот и огонёк. Теперь мелкие веточки, потом покрупнее и, наконец, толстые сучья.

Над огнём подвесил котелок с водой и, пока кипяток доходил, принялся копаться в своей котомке, проводя ревизию. Ага. Силки не забыл. Нужно будет ближе к вечеру пройти поставить. Ушастые здесь непуганые. С голоду не дадут помереть. Что же так культя-то чешется? Женька размотал тряпку, которой с недавнего времени заматывал обрубок руки. Уж больно чувствительной стала кожа на ней. На всё реагирует. А вырос на культя уже почти в обычную ладонь трансформировался. Точно кисть отрастает. С одной стороны хорошо это. С двумя руками всё одно лучше. А, с другой стороны, пугает это. Как-то, всё это ненормально. Неужели, действительно, мутант? И чего дальше ждать? Превращения в волколака? Или в какую-то ещё тварь?

Ближе к вечеру расставил силки, попутно набрав материала для обустройства землянки. Сложил всё возле норы, поужинал всухомятку и, забравшись поглубже и поворочавшись на лапнике, уснул. Проснулся ночью от того, что появилось чувство тревоги. И ощущение такое, что в этом овраге он не один. Осторожно, стараясь не шуршать, Женька подполз к выходу и выглянул наружу. Неподалёку, возле родника стоял волколак. Сильные задние лапы, сторбленный силуэт с мощным загривком, опущенные вдоль тела передние лапы, задумчиво скребущие чудовищными когтями по бокам и вытянутая волчья пасть с ужасными клыками, время от времени обнажающимися в чудовищном оскале.

Женьке стало страшно. Нет, не так. Ему стало очень страшно. До умопомрачения и до икоты. Волколак чего-то ждал. Или искал. Внезапно по его телу прошла дрожь, он встрепнулся и повернул голову, посмотрев прямо на вход в нору. Сердце парня забилося, словно пойманная в силки пичуга, а желудок подпрыгнул к горлу. Женька смотрел в глаза монстра и не мог отвести взор. Казалось, пытка взглядом продолжалась вечность. Наконец, волколак отвёл свои глаза, ещё раз почесался, что-то невразумительно прорычал и полез наверх. Секунда, и чудо-

вище исчезло. Только комки лежалого песка, осыпаящиеся со склона, напоминали о пережитом страхе.

Женька улёгся опять на подстилку из елового лапника, положил возле себя взведённый самострел, но уснуть так и не получилось. Пережитый ужас прогнал последние остатки сна. И, всё-таки, почему волколак не атаковал? Он, ведь, точно видел Женю. Да и чувствовал. У них нюх очень тонкий, а парень от страха липким потом с ног до головы покрылся. По-любому монстр должен был запах учуять. И взгляд. Ещё Федот говорил, что волколаки взгляд шкурой чувуют. Не мог он не знать, что Женька здесь. А эти твари атакуют, не задумываясь, даже в том случае, если сытые. Никогда мимо жертвы не пройдут.

Наконец, мысли стали путаться, и парень уснул. Несмотря на страх, сказала прошлая бессонная ночь. Проснулся утром, когда в лесу всю щебетали птицы, радуясь новому дню и ясной солнечной погоде. А ночью уже становится холодно. Осень как-никак. Нужно думать что-то. Выбравшись из норы и размявшись, Женька размотал тряпицу и осмотрел культу. Ладонь уже полностью готова. Даже появились бугорки на месте будущих пальцев. Наскоро умывшись в ручье, пошёл проверять силки. Улов неплохой. Сразу три ушастых. Ну, значит, на сегодня работа есть. Их освеживать надо, потом мясо всё в углях запечь, чтобы не испортилось. Шкурами заняться. Зима не за горами. мех, конечно, плохонький. У хозяина гораздо лучше. Но хозяина завалить в одиночку, это нереально. Тут втроем надо. А лучше, вообще, впятером. Так что, и ушастый сгодится.

С мясом и шкурами провозился весь день. Было бы две руки, управился бы быстрее. Но, тут уж не до жиру. Что есть, тем и работать приходится. Уже при свете костра развесил на дереве шкурки с распорками, быстро поужинал запеченным мясом и полез в нору спать. Споткнувшись о кучу тонких стволов осины, заготовленных ещё вчера, вспомнил о том, что хотел делать из норы землянку, посокрушался и перенёс это на завтра.

А ночью опять приходил волколак. Женька так же, как и в прошлый раз, проснулся внезапно, как от толчка, открыл глаза и сразу почувствовал чужое присутствие. Тварь стояла уже у самого входа в нору и сосредоточенно приноживалась. Женька поднял самострел и так и сидел, ни жив, ни мёртв, удерживая на прицеле сгусток темноты на фоне звёздного неба. Стрелять он не решался, понимая, что с одной стрелы волколака не завалить, а одной рукой тетиву быстро не взведёшь. Монстр потоптался немного, с шумом втягивая ноздрями воздух, а потом развернулся и опять ушёл. Да что ему тут надо-то? И не нападает, и спать не даёт. А колотит-то как со страха! Остаток ночи провёл в полудремотном состоянии, хватаясь за самострел при каждом шорохе. Да и замёрз ещё. Ночи уж очень холодные стали. Некстати вспомнился дом, мать с отцом и тёплая печка.

По-быстрому разжёг костёр и уселся возле него, пытаясь согреться. Озноб бил не по-детски. Надо что-то решать. Костёр в норе разжигать не вариант. Угореть можно. Избушку бы какую-нибудь. Да где же её найдёшь? Женька опять размотал тряпицу и осмотрел культу. Бугорки на месте будущих пальцев вроде как увеличились. Ну и хорошо. А что же, всё-таки с ночёвкой делать? Вдруг вспомнилось, как кузнец Кузьмич рассказывал о вымерших деревнях, встречающихся в лесу. Когда-то там жили люди, вели хозяйство, женились, рожали, умирали. В общем, всё, как и везде. А потом пришёл Ужас. Те деревни, которые были малочисленными и находились глубоко в лесу, погибли. А дома остались. И где же искать их? Хотя, пожалуй, стоит побегать по окрестностям.

Женька кинул взгляд на материал, заготовленный для устройства землянки, махнул рукой, быстро позавтракал и, закинув котомку за спину, пошёл в лес. Отыскать деревушку, затерянную в дремучем лесу, дело нелёгкое. Это всё равно, что иголку в стог сена искать. Но, это только с первого взгляда. А со второго, если подумать, всё обстоит гораздо проще. Деревни без дороги не бывает. Значит, надо найти дорогу. Любую, скорее всего, уже давно заброшенную. Но всё равно, деревьями зарастить дороги эти сильно не успели. При должном внимании

их увидеть можно. А дорога, это не маленькая деревенька. Она на многие километры тянется. Значит, можно поискать попробовать.

Опять перейдя на волчий бег, Женька побежал по лесу, собирая силки и попавшуюся в них добычу. Хотя, добыча на этот раз была скудная. Всего один ушастый. Не тратя времени, парень засунул живого зверька в котомку и побежал дальше. Нужно было торопиться. Если за сегодня он не найдёт ничего подходящего, нужно будет успеть вернуться к норе. Ночевать под открытым небом желания не было никакого.

Еле заметную дорогу, или, точнее, то, что от неё осталось, Женька заметил уже ближе к вечеру и, положившись на удачу, побежал направо. Лучше бы, наверное, налево. Скорее всего, ближе было бы. До деревни добрался уже в полной темноте, споткнулся об остатки забора и влетел в почти неразличимый угол подгнившего сруба. Уняв искры, брызнувшие из глаз от удара об стену, огляделся, на ощупь нашёл дверь, косо висящую в створе, и осторожно зашёл внутрь, держа наготове самострел.

Чего-то крупного вроде волколака или хозяина опасаться не стоило. Они человеческие жилища не жалуют. Заскочить, да пошуровать, это, всегда пожалуйста. А вот на ночь, они, лучше в лесу. Да, вот, только, кроме крупных, есть ещё и мелкие хищники. А они, хоть и мелкими называются, зубы и когти еще те имеют. Та же куна, хоть и с собаку, а, если, бросится, на косточки разберёт, будь здоров. На счастье, в этом доме других постояльцев не было, поэтому переночевать удалось нормально. Хоть и холодно. Но, зато, под крышей, и волколак не приходил.

Наутро Женька обошёл свои новые владения. Деревенька была небольшая. Домов десять. Основательно полазив, выбрал неплохо сохранившуюся избу в центре и принялся её обустроить. В первую очередь проверил колодец. Да уж. Запущен сильно. Чистить нужно будет. Но это потом. А пока, нужно печкой озаботиться. Воду можно и за деревней взять. Заметил Женька там траву высокую, да сочно зелёную. Верный признак родничка. Вот от туда можно и натаскать.

Отыскал крупный камень и, привязав к нему верёвку, взобрался на крышу прочищать дымоход. А забито было основательно. Там и хвоя палая, и листва, даже, гнездо воронье. Помучился, конечно, но прочистил всё-таки. Покопался в поленице, сортируя дрова, но, всё же, отобрал нормальные. Гнилых, конечно, много было, но и хороших тоже хватало. Ну, а если ещё по дворам пройтись, да там в поленицах пошурудить, дров на зиму хватит. Даже, с лихвой. В подполе и следа от запасов не осталось. За столько лет всё в труху. А, вот, огород порадовал. Буйная ботва проглядывала сквозь сорняки. Женька поддел ножом землю и потянул за куст. Мелкая, словно горох, но, всё равно, съедобная, картошка порадовала. Полазил в траве и нашёл перья лука. Хиленькие, конечно. Но, всё же, лук. Там же отыскились мелкие, рыхлые кочаны капусты и тоненькая жиденькая морковь, больше похожая на простые корешки какого-то растения.

Разжёг огонь в печи и поставил готовиться ужин. Перспектива поесть, наконец, нормальной пищи радовала, как и то, что ночевать придётся в человеческом жилище, а не как зверь какой-то. Пока похлёбка доходила в печи, стал разбираться с постелью. М-да. Зрелище впечатляющее. Женька стоял и перебирал в руках труху, в которую рассыпался матрац при первом прикосновении. И на чём, теперь, спать? Голая ржавая панцирная сетка не вдохновляла. Парень повздыхал и решил переночевать на широкой лавке, а уж завтра подумать, как решить вопрос с постелью.

Утро разбудило ярким солнечным лучиком, скакнувшим из окна прямо на лицо. За окном было ясно, всюду светило раннее солнце, изба приветствовала теплом от, уже начавшей остывать, печки. Только тело уже привычно затекло от лежания на жёсткой лавке. Ну, сегодня точно Женька придумает что-нибудь. Быстренько подкинул дров в печку и выскочил

на крыльцо умыться. Утренняя прохлада бодрила. Крыльцо уютно поскрипывало, создавая ощущение надёжности домашнего быта. Наскоро перекусил вчерашней похлёбкой, глянул на ушастого, привязанного за верёвку к лавке и приговорил его на сегодняшний вечер.

Ну, да. Мясной супчик не помешает. Надо бы вечером ещё пробежаться по лесу и силки поставить. Пошёл по домам, придирчиво осматривая сохранившийся скарб, и отбирая нужное для себя. Нашёл большой кусок прелого, но всё равно неплохо сохранившегося брезента. А вот и основа для матраца. Ничего, что грубый и жёсткий. Притащил его домой, надрал дратвы и сшил из него чехол по размеру кровати. А теперь в лес. Сухой мох нашёлся быстро. Осень ведь. Это весной его попробуй, найди, когда везде буйно разрастается зелень. А сейчас природа умирает в преддверии зимы. Набил чехол туго. Взвалил объёмный груз на себя и потащил к деревне, когда впереди заслонила проход между деревьями чья-то тень.

Уже сбрасывая матрац на землю и, вскидывая самострел, увидел перед собой горбатого деда. И сразу опять покрылся липким потом. Вот и всё. Сходил за мхом, называется. И, чего на лавке не спалось? Дед шумно вздохнул, перебирая тонкими грациозными ногами, тряханул бородой, качнув разлапистой шикарной короной рогов на голове, развернулся и рванул в чащу. Только сучья затрещали под плоскими копытами. Женька уселся на свежеизготовленный матрац, не имея сил стоять на ватных от страха ногах, и вытер липкий пот со лба. В хорошем настроении, видать, дед попался. Или торопился куда? Вон как бросился напрямик через бурелом.

Вернулся домой, бросил матрац на кровать и плюхнулся сверху. А неплохо получилось. Мох приятно проминался, принимая очертания тела, и мягко пружинил. Надо бы ещё и подушкой озаботиться, но на первое время и котомка под голову сойдёт. Слишком много дел ещё переделать надо. По деревне отобрал нужный скарб и кухонную утварь, попутно удивившись тому количеству домашнего скота, что здесь держали до Ужаса. В каждом дворе и курятник, и коровник, и свинарник. И куча костей, уже давно выбеленных временем.

У Женьки всегда было двойное отношение к домашней скотине. С одной стороны, животины, конечно, нужная. Тут тебе и кожа, и мясо, и молоко. А с другой стороны, бесила эта фатальная покорность, с которой они на убой шли. Не раз он наблюдал, как та же корова мычит жалобно, предчувствуя свою гибель, слёзы в глазах стоят, а всё равно покорно горло под нож подставляет. Лесной зверь не такой. Тот же ушастый до конца за свою жизнь бьётся. На спину падает и своими мощными лапами отбивается, стараясь поразить когтями. Да и хватануть зубами может. А зубки у него ещё какие! А уж про куну, или кого покрупнее, и говорить не стоит.

Закончив со скарбом, принялся за дрова. Начал с самого крайнего двора и стал отбирать хорошие поленья. Тут же относил их к себе во двор. До вечера умаялся так, что, махнув рукой на ушастого, сунул ему немощный кочан капусты и, долив ему в ржавую банку воды, перекусил запечённым ещё в лесу мясом и улёгся спать. А ночью Женька опять проснулся от тревожного чувства. Всё то же ощущение, что он не один. Ступеньки крыльца заскрипели от немаленького веса. Осторожно поднявшись с кровати, он на цыпочках подкрался к окну и выглянул в окно. На крыльце стоял волколак. Всё так же задумчиво, как и в прошлый раз, он стоял, слегка сгорбившись, смотрел на дверь и поскрёбывал когтями по свалывшемуся меху на вяло вздувающихся боках.

Ни жив, ни мёртв, Женька сидел под окном, глядя на монстра, шумно обнюхивающего входную дверь. Сколько это продолжалось, парень сказать не мог. Казалось, прошёл год или два, пока волколак не встряхнулся, рыкнул и, развернувшись, ушёл со двора. Интересно, его преследует один и тот же зверь, или сейчас в гости другой зашёл? И что им всем от него надо? Жене захотелось выть от страха и безысходности. Впервые по-настоящему остро он почувствовал своё одиночество и незащищённость. Хоть головой в петлю. Раньше он как-то не особо задумывался об этом. Все мысли были заняты выживанием. А сейчас, когда жизнь начала поне-

многу налаживаться, накатило. Парень упал на кровать и заплакал, как когда-то глубоко в детстве. Он так и не заметил, как уснул, вот так, лёжа и глотая слёзы.

Всю следующую неделю Женька занимался хозяйством. Перетаскал дрова со всей деревни, и, сейчас, каждый раз проходя мимо поленницы, радовался, что обеспечен дровами на всю зиму. Потом занялся колодцем. Весь день вычёрпывал протухшую воду попеременно с палыми листьями и прочим мусором. Устал основательно. А, ещё, нужно было заниматься разделкой ушастых, которых каждое утро собирал из силков, обработкой шкурок и засолкой мяса. Благо, что в домах соли немало нашлось.

После колодца наступила очередь огородов. И, пусть овощи выродились и стали совсем мелкими. Зато, хоть что-то есть. Можно заготовочку на зиму сделать, да и потом в огороде что-то посадить. Может, придут в свой культурный вид к следующему урожаю. А вот тут Женьку ожидало очередное нервное потрясение. Уже в первом же огороде он нос к носу, как говорится, столкнулся с сытью. И, ведь, оружия при себе никакого, кроме лопаты и ножа. Да и, будь с собой самострел, завалить зверюгу с первого выстрела вряд ли получится. Тут подстраховка нужна. Хоть один человек ещё с самострелом. А раненная сыть очень опасна. Она обиды не прощает. Будет преследовать, пока не отомстит. Однако, сыть вела себя как то странно. Внимательно осмотрев человека, она несколько раз с шумом втянула носом воздух, развернулась и спокойно пошла прочь, временами поигрывая кошмарными когтями на толстых лапах, от чего порядочные куски дёрна летели в стороны.

Озадаченный поведением такой опасной зверюги, Женька бросил лопату и вернулся в дом. Уже ничего не хотелось. Работа и подождать может, а сердце, бешено колотящее внутри, нужно унять. Парень налил в кружку отвар смородинового листа, и уселся за стол, бездумно глядя в окно. То, что происходило вокруг, напрягало. Волколак, уже три раза навещавший его по ночам, Дед горбатый, ломанувшийся прочь, сыть, пренебрегшая добычей и удалившаяся в лес. Он развернул тряпицу и осмотрел культю. Первые фаланги пальцев уже отросли. И, что любопытно, чем больше отрастает, тем больше болит. А раньше чесалась только.

В этот день Женька больше на улицу не выходил. Просто не мог себя заставить. Казалось, что под каждым кустом его поджидает сыть. А ночью всё прислушивался, боясь очередного визита знакомого волколака. Но ночь, как ни странно прошла спокойно. Ни кто его не навещал, никто не топтался на крыльце и не принюхивался к двери. Спокойствие продолжалось ещё дня три, после чего следующий визитёр опять загнал Женьку домой. Всё случилось настолько обыденно, как может случиться только, наверное, в сказках какого-нибудь охотника – бахвала.

Женька рано утром вышел на крыльцо, потягиваясь и ёжась от утренней свежести, когда взгляд упал на дорогу, тянущуюся через всю деревню. По ней, не торопясь, брёл по своим делам хозяин. Потряхивая свалывшейся в колтуны шерстью, он важно шествовал между домов, мягко ступая своими лапами, по обыкновению подворачивая их внутрь. Появление на крыльце одного из домов человека, стало такой же неожиданностью для него, как и для Женьки появление хозяина. Зверь остановился, повернулся к парню, шумно втянул носом, глядя в глаза обмершего от страха бедняги. Женька стоял и не знал, что делать. Укрыться в доме не вариант. Эта туша без труда вынесет дверь и ворвётся в дом. И отбиться не получится. С таким зверем в одиночку не справиться.

Хозяин присел на задние лапы, помотал косматой головой и трубно взревел, приподнимая верхнюю губу. А, вот, потом, он сделал то, что в очередной раз поставило Женьку в тупик. Хозяин попятился, сделал несколько шагов, а, дальше, развернулся и дал дёру, смешно подбрасывая свой толстый зад. Парень опять вернулся в дом и уселся с кружкой отвара у окна. Не думалось совсем. В голове просто стоял звон. В пустой черепушке метались буквы и звуки, никак не желая складываться в слова. Что это, интересно, так напугало хозяина, если он пустился наутёк. У Женьки, ведь, и оружия никакого в руках не было. Да и оружие зверя

бы не остановило. Дед, сыть, хозяин... Не может быть, чтобы они все были сытые и в благожелательном настроении. Так не везёт. Тогда что?

Потребовалось пара дней, чтобы парень смог спокойно выходить на улицу и работать в огороде, не хватаясь за самострел при каждом шорохе. Очень досаждала рука. Пальцы отраспали, но боль усиливалась. Особенно по ночам. Приходилось соскакивать с кровати и долго ходить по дому, баюкая ноющую культю. Днём боль отступала, и удавалось поработать по хозяйству. Одиночество уже стало вполне привычным и не доставляло никакого неудобства, поэтому Женька буквально подпрыгнул на месте, услышав покашливание за спиной, когда перекапывал огород.

– Не помешаю, милоч? – у заваленного забора стоял старичок в поношенной телогрейке и облезлом треухе на голове.

– Да, конечно, дедушка, – засуетился парень. – Пойдёмте в дом.

Они зашли в избу, и Женька предложил старику перекусить. Гость не отказался и, спустя пять минут, уже кушал наваристую похлёбку. Парень дождался, когда дедушка поест, налил ему смородиновый отвар и сам присел с кружкой рядом.

– Откуда вы, отец, идёте? Каким ветром в нашу глушь занесло?

– Странник я, сынок. Хожу по свету, смотрю, что, да как. Натура у меня такая. Не могу на одном месте сидеть. Да и любопытно, как люди живут, что творится в мире.

– А что же вас в эту глушь занесло? Здесь живой души на много километров не встретить.

– Ну, тебя же встретил.

– Так я здесь случайно.

– Вот и я случайно.

– А зверья всякого не боитесь? Тут много кто ходит.

– А чего мне его бояться? Я к ним с чистой душой, и они ко мне с тем же. Не зверя, человека бояться нужно. Зверь, он что, кушать хочет, охотится, размножаться хочет – спаривается. От него лукавства ждать не приходится. Он честный всегда. А человек одно в уме держит, а другое говорит. С человеком всегда ухо остро нужно держать.

– Странные вещи вы говорите, дедушка. А как звать то вас?

– Лесовиком зови. Так все меня кличут.

– А я – Женька.

– Так вот, Женька, ничего странного нет здесь. Тебя вон, тоже зверьё стороной обходит. Или я не прав?

– Правы. Так вы что, тоже?

– Мутант, ты имеешь в виду? Мы все уже здесь мутанты. Каждый по-своему. Ни один человек на земле не остался таким, каким был до Ужаса. Просто, у кого-то это проявляется, а у кого-то нет до поры. У тебя мутация проявилась после контакта с волколаком. Так?

– Так, – Женька размотал тряпицу и показал культю. – Вот.

– Болит? – участливо поинтересовался старик.

– Болит.

– Кости у тебя растут быстрее, чем мышцы и кожа. На, вот, тебе мазь. На барсучьем жиру замешана. Поможет.

– Спасибо. А вы, тоже, это, после волколака?

– Я-то? – засмеялся старик. – Нет. Меня зверушки изначально чуют и за своего принимают. А у тебя как получилось-то?

Женька прихлебнул отвара из кружки и рассказал, как потерял кисть, а так же, обо всём непонятном, что приключилось с ним в последнее время.

– Ну, что я тебе скажу, – потерял рукой бороду Лесовик. – Волколак в тебе и свою кровь и человеческую чувствовал. И понять не мог никак, вроде и добыча неподалёку, и волколачий дух рядом. Вот в растерянности и крутился возле тебя. А остальные... Ну и названия

придумали! У всех зверушек от создания веков свои названия были, и не надо новые городить. Не хозяин, а медведь, не сыть, а россомаха, не горбатый дед, а лось. Они изначально волколаков сторонятся. В тебе его кровь чуяли, поэтому подальше от тебя старались уйти. Скорее всего, потому, что волколаки не отсюда. Чужие они для зверья местного.

– Как это?

– Ну, всё зверьё существовало всегда. А вот эти твари появились только после Ужаса. А до того, о них только в сказках, да легендах рассказывали. Было такое поверье, что в полнолуние некоторые превращались в таких вот чудищ и охотились на людей. Вот так всю ночь лунную охотятся, а к утру опять человек. А те, кто был укушен и выжил, тоже становились такими.

– Так я что, тоже таким стану?

– Не пугайся. Говорю же, всё это сказки и легенды. Тебе от них с укусом передалась способность к регенерации.

– Рече... что?

– Регенерация, это восстановление потерянных органов. Вон, у тебя кисть откушенная восстанавливается. И, я больше, чем уверен, что и раны на тебе на глазах будут затягиваться. Ну и, вдобавок, скорее всего, у тебя и сила прибавляется, и скорость реакции. А человеческий облик ты не потеряешь. Не бойся.

– Ну, хоть на этом спасибо.

– Что нос повесил? Вокруг одни плюсы. Кисть восстанавливается, зверьё шарахается, организм в лучшую сторону меняется.

– Ага. И из деревни выгнали. Спасибо ещё, живьём не сожгли.

– Ну, да. В ваших краях лютуют в этом плане.

– А где не лютуют?

– На севере. Там люди вполне лояльно к мутациям относятся. Точнее, вообще не относятся. Просто не обращают внимания.

– А что там, на севере?

– Города полные людей. Живут люди в полную силу. Ну, конечно, по-разному живут. И воюют друг с другом, и дружат. Но, всё равно повеселее, чем в вашей глуши. Так что, мой тебе совет, не хорони себя здесь, а двигай туда. Ладно, милок, отдохнул я, поел. Спасибо тебе. Пойду я дальше.

– Может, задержитесь на денёк? А завтра с утра и пойдёте.

– Спасибо тебе на добром слове, конечно, но не след мне задерживаться. Пойду я.

Старик ушёл, а Женька присел на ступеньки крыльца и задумался. Весть о том, что где-то на севере люди по-другому относятся к мутантам, порадовала. Всё-таки приятно осознавать, что где-то есть кто-то, способный воспринимать таким тебя, какой ты есть. Но, стоит ли сейчас туда идти? Женька размотал тряпицу и осмотрел культю. Кисть уже практически сформировалась. Остались только последние фаланги на пальцах. Намазал культю подаренной стариком мазью. Боль притупилась и стала почти неслышимой. Действительно, работает.

Месяц, прожитый в деревне, пролетел быстро. Да и времени, скучать, не было. Все дни были заполнены хозяйственными делами. То огород, то охота, то по дому что-то сделать нужно. Вон, баньку поправил и теперь каждый вечер с удовольствием парился перед сном. Кисть восстановилась полностью, и, теперь, ничто не напоминало о полученном увечье. Правда, кожа на обновлённой руке была ещё розовой и гладкой, как у младенца и, уж, очень чувствительной, но это, как говорится, вопрос времени. Погрубеет ещё. Зверьё в последнее время в деревню заходить перестало. Разве, только, волколак время от времени заглядывал. Но от него хлопот особых не было. Покрутится, понюхает воздух и уходит восвояси. Женька после старика его и бояться перестал, так, опасается на всякий случай и всё.

Эта группа всадников, захвативших в деревню, заставила Женьку напрячься. Четыре мужика и одна женщина проехали на лошадях по центральной дороге и остановились возле его дома.

– Ну, привет, что ли! – звонким голосом поздоровалась женщина.

Парень оглядел её. Невысокая, достаточно стройная, возрастом где-то около тридцати лет, она уверенно сидела на лошади и явно была главной в этой компании.

– Привет, – ответил Женя.

– Короче, давай на стол, а потом лошадьми займёшься. И баньку. Мы отдыхать будем.

– Ты что, не понял, урод? – заорал на остолбеневшего и онемевшего от такой наглости парня один из мужиков, небритый тип с крутым самострелом в руках.

– Я, вроде, вас не звал к себе, – наконец обрёл дар речи Женька. – Домов полно пустых. Любой выбирайте и становитесь на постой.

– Я не понял, – возмутился ещё один, с аккуратной бородкой, таким же крутым самострелом и саблей, торчащей за спиной. – Ты, мутант, как с нормальными людьми разговариваешь? Марта, может я его сабелькой-то раскрою.

– Возьмите его, – не оборачиваясь, распорядилась женщина, соскакивая с коня. – Привяжите к столбу. Поедим, потом развлечёмся. Для мутанта слишком большая роскошь просто так умереть. Пусть помучается.

Женька хотел было прыгнуть с крыльца и рвануть за угол, но остановился, оказавшись сразу под прицелом двух самострелов. Уж слишком быстро они приготовили своё оружие к бою. Можно не сомневаться, что и применяют они его так же ловко. Ещё два мужика подошли к нему и грубо скрутили руки за спиной верёвкой. Потом, не церемонясь, швырнули к столбу и привязали, прихватив ещё и за шею.

– Постой, пока, – похлопал его по щеке один из них.

По-хозяйски пнув дверь ногой, женщина вошла в дом, а за ней потянулись и все остальные. Женька в растрёпанных чувствах стоял и слушал, как незваные гости распоряжаются в его доме. Обидно было до слёз. А в избе веселье шло вовсю. Звон кружек, громкие голоса и взрывы смеха. Вспоминали какого-то Шнягу, который не по делу наехал на них и теперь гниёт в каком-то болоте в компании своих бойцов. Потом говорили о городе и его рынке. Кто-то предложил продать Женьку в цирк мутантов, на что Марта авторитетно заявила, что у него явно выраженных изменений нет, поэтому цирку он будет неинтересен. Ноги уже затекли, как и шея, в неудобном положении притянутая к столбу. Наконец, веселье закончилось, и вся компания снова вышла на крыльцо.

– Ну, что, мутант? – поинтересовалась женщина. – Ты же ведь мутант, верно?

– С чего ты это взяла? – спросил парень, чувствуя, как внутри начинает закипать незнакомая доселе злость.

– А с чего бы тебя выперли из деревни? Или сам сбежал, чтобы на кол не посадили? Молчишь? Скажу тебе так: ненадолго ты отсрочил свою смерть. Ну, ничего, помучаешься хоть напоследок. Так, мужики?

Мужики с готовностью захохотали, а тот, что с бородкой, ткнул остриём ножа Женьке в бок. И укол-то был не сильный, но злоба, вдруг, захлестнула парня полностью. Сквозь розовую пелену в глазах Женя видел, как вытягиваются лица его незваных гостей. Потом почувствовал, как рвутся верёвки, связывающие его запястья, с удивлением увидел свои руки с пугающе вздутыми мышцами, сворачивающие шею бородатому. Непостижимым образом, вместо бородатого в руках оказался молодой, потом небритый, а следом и усатый. Как это происходило и как это вообще могло быть, парень и сам не понимал. Только удивлённые и испуганные лица и хруст шейных позвонков. Белая, словно мел Марта смотрела, как с нереальной быстротой уменьшается её войско и, наконец, осознав, что осталась одна, попыталась дрожащими руками вытащить нож из ножен. Женька взял её за руку и почувствовал, как крошатся в кулаке её

косточки. Второй рукой он ударил её по лицу и поражённо смотрел, как лицо смялось внутрь, и мёртвая Марта осела на землю.

Розовая пелена упала, и парень изумлённо оглянулся. Вокруг одни трупы. Он взглянул на свои руки. Руки, как руки. Обычные, без вздутых гипертрофированных мышц, которые были ещё пару секунд назад. Только мышцы сильно болели, словно он весь день без передышки кидал мешки с картошкой. Так, вот что имел в виду Лесовик, когда говорил о плюсах мутации! Неизвестно, плюсы это или нет, но в данный момент новоприобретённые способности оказались как нельзя кстати.

Женька присел на колоду для рубки дров и призадумался. Похоже, что в этих глухих краях стало слишкомлюдно. Никогда бы не подумал. Сначала старик, потом эти с Мартой. И кого следующего ждать? Это хорошо, что они такие самоуверенные были. Схватили, связали. А если бы просто дали бы залп из всех пяти самострелов? Хватило бы новоприобретённых способностей, чтобы уклониться сразу от пяти стрел? А если ещё и неожиданно, из засады? Похоже, что, как ни жаль оставлять хозяйство, а уходить придётся. Сама судьба решила за него, что дальше делать. Парень обыскал трупы и снял с каждого по увесистому мешочку монет. Это не говоря об оружии и снаряжении. Ну и про лошадей нельзя забывать. Целых пять голов. Хорошо, что лошадки привязанные были, потому что, при приближении парня взвились на дыбы и стали шарахаться из стороны в сторону. Ага. Тоже кровь волколака чувят. Ну, тут уж привыкать придётся. Имея такое средство передвижения, Женька пешком идти был не намерен.

Решение идти в город, пришло моментально, как и понимание того, что в городе понадобятся деньги. А где их взять? Правильно: продать вещи незваных гостей и лошадей. Хотя нет, не всех. Вот этого красавца, на котором приехала Марта, нужно себе оставить. Как один самострел и саблю. Самострелы, вообще, песня. Его неуклюжая деревяшка и рядом не стояла. Вырученных средств на первое время хватит, а там, подвернётся что-нибудь. Чем заниматься, Женька пока не решил.

Раздев трупы, он отобрал себе подходящую по размеру одежду, и одел на себя, выкинув свои жалкие обноски. Подошла та одежда, что была на щёголе с аккуратной бородкой. Аляповато, конечно. Сам бы Женька с роду такое не одел. Кожаные чёрные штаны с красной тройной строчкой по бокам, вышитая серая холщовая рубаха, коричневая куртка из мягкой бархатистой кожис бахромой чуть ли не в каждом шве и узкие остроносые сапоги с цветной шнуровкой.

Единственная стоящая вещь это шляпа с широкими краями, свалаянная из войлока настолько качественно, что в ней без труда можно было носить воду. Свою котомку тоже заменил на удобный, прочный ранец из телячьей кожи, уложив туда свои туалетные принадлежности, а, так же, взятые у трупов серебряную флягу, кружку, ложку и котелок. Шерстяное одеяло, тоже, пригодится для ночёвки в лесу. Да и нож у щёголя был знатный. Неширокий, достаточно длинный, с пилкой на обушке. Удобная вещь. Быстро собравшись, Женька взобрался на облюбованного коня, подавил панику животного и погнал остальной табун, испуганно на него косящийся, в лес. Теперь, направление одно: на север.

Мерно покачиваясь на, уже привыкающем к его запаху, коне, парень снова и снова вспоминал то, что случилось в деревне. Как это, вообще, получилось, что он на время почти превратился в волколака? Можно ли повторить это снова? Солнце встало в зенит, и Женька остановился на небольшой поляне, чтобы подкрепиться. Разжёл костёр и, пока кипяток доходил, отошёл в сторону, предварительно привязав крепко лошадей к дереву. Как это тогда произошло? Парень напрягся, разводя руки в стороны и, даже, попытался зарычать. Ничего не произошло. Но, ведь, тогда получилось? Что же он сейчас делает не так? Попробовал опять. И тоже никакого результата. Опять начал вспоминать, как было тогда. Ага. Они по-хозяйски пользовались Женькиным добром, привязав его к столбу. И ему было очень обидно. А потом Марта сказала, что они его будут убивать медленно, потому, что он мутант. И он тогда начал злиться.

Ну, точно! Уже тогда Женька почувствовал, что злость совсем другая, незнакомая, от которой во все мышцы стала вливаться сила. А, потом, тот, с бородкой, одеждой которого пришлось воспользоваться, ткнул его вот этим ножом в бок. Не сильно, но обидно и больно. Женька достал нож из ножен, посмотрел на него и вдруг почувствовал, как наливаются силой мышцы, всё вокруг розовеет, а из горла вырвался хриплый рык. Лошади в панике рванулись в сторону, и только крепкая привязь удержала их. Усилием воли парень подавил в себе это состояние и вернулся в норму. Похоже, для того, чтобы обрести силу волколака, нужен какой-то повод. Сейчас этим поводом послужил нож в купе с воспоминанием об обидном случае. Значит, нужно тренироваться. И, ещё, нужно добиться того, чтобы контролировать себя во время таких приступов.

На ночёвку встал возле поваленной огромной сосны, соорудив себе между веток неплохой шалаш. Коней на длинной привязи оставил тут же. Трава есть, значит, голодать не будут. А зверья можно не бояться. Они близко не подойдут. Это Женька по собственному опыту уже знал. Да и, если сунется кто, кони своим ржанием дадут знать заранее. Распряг коней, натаскал себе лапника и застелил его попоной. Вот и постель получилась. После ужина опять попробовал ввести себя в волколачье состояние. Уже без ножа, а просто вспоминая, как разозлился на всю эту шайку. Получилось раза с четвёртого, после чего усилием воли вернулся в нормальное состояние, успокоил лошадей и попробовал опять. Раза со второго получилось. Наконец, дошло, что не нужно раз за разом вспоминать произошедшее в деревне. Просто можно искусственно воссоздавать те эмоции, предшествующие превращению. Потренировался ещё.

Потом походил по лесу в образе волколака, не отходя, впрочем, далеко от места ночлега, с усилием удерживая себя и не давая разуму скатиться в пучину диких инстинктов. А скатиться было от чего. Сразу нахлынули вкусные запахи, исходящие от коней. Навалились неслышимые доселе звуки. Вон, бородатый дед километрах в двух, обдирает побеги молодых деревьев. Даже, кажется, слышно, как бурлит в его жилах горячая кровь. Мышцы требовали нагрузки и хотелось рвануть через лес, рассекая мощной грудью, ставшую вдруг прозрачной, темноту, выскочить на поляну, вцепиться в разлапистые рога деда, повалить его на землю, закусить клыками яремную вену и пить такую вкусную горячую кровь. Усилием воли Женька выплыл из этого состояния и почувствовал, как устал. Тяжело было удерживать рассудок на поверхности. Ох, как тяжело. Нужно тренироваться.

На подгибающихся от усталости ногах добрался до лежанки, рухнул на попону, вытянув ноги и расслабив ноющие мышцы, и провалился в пучину сна. Проснулся ночью, как от толчка. Уже предчувствуя недоброе, вскочил и огляделся. Недалеко стоял волколак и смотрел на лошадей. Ага. Конинки захотелось. Женька и сам помнил, как вечером, войдя в волколачье состояние, ощущал манящий, аппетитный запах, исходящий от коней. И что теперь делать? Лишиться транспорта и товара, за который в городе можно выручить деньги, не хотелось.

Внезапно опять накатила злость, впережку с упрямством. Не отдам. Моё. Мышцы опять налились силой, темнота вокруг сделалась прозрачной и окрасилась в розовый цвет, а из горла опять вырвался хриплый рык. Волколак обернулся, и Женьку буквально обдало чувством голода. Монстр хотел есть. И, в то же время, уважая собственность собрата, а именно так он воспринимал парня, не решался броситься на коней без разрешения. Женька, словно давно зная, что делать, послал запрещающий сигнал и тут же, отправил воспоминание о горбатом деде, пасущемся километрах в двух отсюда ещё с вечера. Тёплая волна благодарности окутала парня, а волколак сорвался с места и скрылся в чаще.

Опять вернувшись в нормальное состояние, Женька рухнул на ствол сосны, ощущая невероятную слабость во всём теле. Такого потрясения он ещё не испытывал. И, что больше всего поразило, это то, что общение с волколаком возможно. Хотя бы на уровне образов. Да и то, что он принял парня за своего собрата, тоже поразило.

Утром, слегка перекусив, Женя, опять, поехал через лес. Конь, всё так же, испуганно косил своим глазом и, временами, мелко дрожал и всхрапывал, но, похоже, уже начал привыкать к своему седоку. В пути наткнулся на наезженную дорогу и, недолго думая, двинул по ней. Лес закончился неожиданно. Вековые ели не стали меняться на более молодые деревья, а, просто, расступились, и дальше распростёрлось большое поле. А на той стороне гордо вздымались деревянные стены города. По сравнению с деревней, в которой Женя родился и вырос, город показался просто огромным. На въезде охранник придирчиво осмотрел коней, уделяя особое внимание тому, что был под парнем.

– А не Марты ли эти кони? – наконец поинтересовался он.

– Да хоть бы и Марты, – чисто интуитивно взял агрессивный тон Женя. – И что?

– Нет, – стушевался охранник, – просто интересно, кто это умудрился у Марты коней отобрать. И, судя по оружию, Марты и её бойцов можно больше не ждать?

– Можешь не ждать. Я проеду?

– За въезд пять монет и езжай на здоровье.

– А где тут у вас можно остановиться? – перешёл на более миролюбивый тон Женя.

– А вот по этой улице и езжай. Ближе к центру увидишь трактиры. Ты их по вывескам узнаешь.

Знать бы ещё, как эти вывески выглядят. Ну, ладно. Если что, можно и поспрашивать. На улице было народу столько, что просто голова шла кругом. В деревне и так людей гораздо меньше, да ещё все делами заняты. Улицы в большинстве своём пустые. Все делами заняты. Разве только когда на вечерний молебен собираются. А тут натуральный муравейник. Людям что, заняться нечем? Женя глазел по сторонам, стараясь не придавить снующих под ногами прохожих и увернуться от чрезмерно лихих верховых. С верховыми было проще. Лошади, чуя волколачий дух, сами старались держаться от него подальше, всхрапывая и упираясь, несмотря на понукание удивлённых наездников. Несколько раз пришлось пропускать каких-то, наверное, чересчур важных людей, вальяжно разлёгшихся в повозках с мягкими сиденьями.

Трактир узнал без подсказок. Большое двухэтажное здание с террасой по кругу второго этажа, с большой верандой, на которой были установлены столики с посетителями и снующая между ними обслуга с подносами, полными едой и бутылками. Вокруг трактира был воздвигнут монументальный деревянный забор с воротами, окованными железной полосой и хозяйственными строениями внутри. А над входом большими витиеватыми буквами было написано «Трактир Лесной». Подбежавший человек принял лошадей, привязал их у коновязи и, услужливо кланяясь, проводил парня внутрь. В самом трактире тоже были расставлены столики и сидели посетители. Дородный хозяин, монументально возвышаясь за стойкой, приветствовал посетителя толстой ладонью с пальцами, похожими на сардельки.

– Чем могу быть полезен, молодой человек?

– Мне нужна комната.

– Надолго?

– Пока дня на три. А, потом, как пойдёт.

– Пятнадцать монет в сутки комната, теплая вода для купания и завтрак.

– Идёт, – как можно небрежнее проговорил Женя, отсчитывая сорок пять монет и, не подавая вида, что не ориентируется в местных ценах.

– Я видел, ты с лошадьми прибыл?

– Да.

– За каждую по монете в сутки. Аренда конюшни, плюс уход и корм.

Женя со вздохом встряхнул стремительно худеющий кошелек, один из тех, что он снял с трупов сообщников Марты, и выложил на стойку ещё пятнадцать монет. Хозяин ловко сгрёб деньги, вызвал прислугу и распорядился проводить гостя в его апартаменты. Он так и выразился: «Апартаменты». Красиво. Однако, вопреки ожиданиям, всё оказалось гораздо про-

заичнее. Узкая, как пенал комната с односпальной кроватью, узким, самодельным шкафом, тумбочкой и деревянным умывальником в углу.

– Если искупаться хочешь, ванна в конце коридора, – проговорил сопровождающий. – Сейчас служба горячей воды натаскает.

Искупаться Женька был не прочь, хоть и не знал, что такое ванна. Но упоминание о горячей воде было таким заманчивым, что отказаться не хватило сил. Быстро покидав вещи в комнате, он взял у изголовья кровати чистую холщовую тряпицу, выполняющую роль полотенца, и пошёл вдоль коридора. Ванной оказалась небольшая комната с маленьким окошком, посреди которой стояла большая бочка, исходящая паром. По всей видимости, это и была ванна. Молодой парень с ведром поклонился Женьке и выскользнул за дверь.

Женя разделся и со стоном наслаждения погрузился в горячую воду. Вот, что значит блаженство. Он так и сидел, ощущая, как расслабляется тело, потом, почувствовав, что вода начала остывать, взял с тумбочки рядом с бочкой кусок вонючего чёрно-коричневого мыла, жёсткую мочалку и стал смывать с себя дорожную грязь, перемешанную с конским потом.

Свежий, чистый и умиротворённый, Женька зашёл в комнату, повесил сушиться полотенце и направился на первый этаж. Теперь можно и перекусить. Уже на правах постояльца оглядел помещение со множеством столиков, выбрал один у окна и уселся за него, поглядывая на пёструю толпу, снующую перед раскрытыми настежь воротами трактира. Хотелось просто посидеть и поглазеть, а потом уже идти к хозяину и купить, что-нибудь, пожевать.

– Будете что-нибудь заказывать? – раздалось над ним.

Парень поднял голову и увидел рыжего детину в белом фартуке, склонившего голову в вежливом полупоклоне.

– Поесть бы чего.

– Вот меню, – служба протянул широкую плоскую дощечку, на котором большими витиеватыми буквами было выжжено всё то же: «Трактир Лесной», а буквами помельче названия блюд и цены напротив.

С деньгами пока ещё напряга не ощущалось. Помимо похудевшего кошелька, из которого он расплачивался с трактирщиком, своей очереди дожидались ещё четыре таких же, только плотно набитых. Так что, на вторую графу внимания особо не обращал и выбрал понравившееся ему таинственное название «Бифштекс». К нему, конечно, яичницу, которую в деревне могли себе позволить только женщины, а мужикам приходилось от зависти глотать слюнки. Ну и, пиво.

Вот уже два дня он живёт в этом городе. Потихоньку начал привыкать к местной суетной жизни, хотя вчера от всей этой суеты голова разболелась. Самое непривычное заключалось в том, что, в отличие от деревни, почтительного отношения к женщинам он здесь не увидел. Такое впечатление, что здесь они не главные. Или, действительно, не главные? Как так может быть? С утра побродил по местному рынку, удивляясь разнообразию выставленных на продажу товаров и оружия. Приценился и, наконец, избавился от оружия и вещей тех незваных гостей, что приехали к нему в деревню во главе с Мартой. Осталось решить, что делать с лошадьми. Пять голов, это перебор. Да и денег жалко. Но, как продать и не продешевить, ещё не придумал.

Женька сидел за столиком на первом этаже трактира и не спеша потягивал пиво после вкусной свиной отбивной, которую умял за обедом. Все столики были заняты и слуги, которых, оказывается, называли официантами, шустро сновали между посетителями, спеша обслужить всех. А мутантов в городе действительно хватало. И, самое главное, никого это не задевало и не напрягало. Вон, девушка в белом передничке с кончиком хвоста, кокетливо выглядывающим из-под подола платья. А вот набирается местной самогонки тип с узким, словно бритва лицом и вытянутыми острыми ушами. За соседним столиком шумно хлебает похлёбку мужик с жутким

бугристым лицом и огромным шишковатым лбом. А через два столика сидел молодой мужчина лет тридцати с лицом, неуловимо напоминающим кошачью морду.

Женька обратил внимание на его длинные музыкальные пальцы с невероятно узкими ногтями. Мужчина задумался о чём-то своём, выдвинул коготь, а это был именно коготь, а не ноготь, как вначале подумал парень, и стал рассеянно что-то царапать на столешнице. Парень отпил ещё глоток и расслабленно откинулся на спинку стула. Пиво ему нравилось. Гораздо лучше, чем то, что варила в деревне бабка Евдокия. От внезапного толчка в спину он чуть не пролил пенный напиток на себя и резко обернулся. Между столиков, нимало не смущаясь тем, что задевают других посетителей, с грацией хозяина в лесу, двигалась троица.

Крепкий мужик около сорока лет был среди них самым нормальным. Второй, с волчьими, покрытыми густой серой шерстью ушами скалил свои клыки в глупой ухмылке, а вот третий был личностью примечательной. Огромный, больше двух метров ростом, с низким покатым лбом и свирепыми свиными глазками. Вот он-то, скорее всего, и толкнул Женьку, проходя мимо.

Троица направилась прямо к мужчине с кошачьим лицом. Парень хотел было возмутиться, но, оглянувшись, заметил ещё четверых мужиков неприметной серенькой наружности, изо всех сил делающих вид, что они просто здесь прогуливаются, и сразу заподозрил неладное. Похоже, та четвёрка пришла сюда с этой примечательной тролицей.

– Слышь, Кошара, а ты не оборзел часом? – проревел здоровый, уперев в стол свои руки – окурока.

– А в чём дело? – спокойно поинтересовался мужчина, прихлёбывая из стакана молоко.

– И ты ещё спрашиваешь, в чём дело? Я искал этот склад несколько месяцев, а когда нашёл, выяснилось, что там уже побывал ты и всё вывез. Тебе не кажется, что это сверхнаглость?

– Не кажется. Понимаешь, Боров, не всё то, что вокруг, принадлежит тебе. Особенно это касается складов. Тут, кто нашёл первый, тот и наварился.

– Это был мой склад! – казалось, от рёва здорового даже посуда за стойкой задрезжала.

Все посетители, как один, повернулись в сторону назревающего конфликта, причём, наиболее умные поспешили свернуть свой обед и потихоньку ретироваться. Женя взял кружку и подошёл к шумной компании.

– Привет, друган! – фамильярно хлопнул он мужчину по плечу. – Ты не один, что ли? А я хотел тебя на кружечку пива пригласить.

Мужчина настороженно глянул на парня и опять перевёл взгляд на тролицу.

– Эй, сопляк! – опять заревел Боров. – Ты что, не видишь, что тут взрослые люди разговаривают? А ну брысь отсюда!

Словно от испуга вздрогнув, Женя плеснул пиво из кружки на куртку бугая и, пока тот, изрыгая ругательства, оттирался, успел шепнуть мужчине: «Там на улице ещё четверо», и, поймав благодарный взгляд, отошёл за свой столик.

– Скажи спасибо, что не до тебя, щенок. А то бы ноги повыдергал, – услышал он слова, брошенные в спину.

– Короче, – не успокаивался бугай, – или ты сейчас отдаёшь мне товар, что взял с моего склада, или возмещаешь деньгами.

– Боров, как ты не поймёшь своим скудным умом, твоего склада в природе не существует и я тебе ничего не должен.

– Вставай. Объясним тебе, что можно брать, а что нельзя, – бугай так стукнул по столу, что крепкие доски затрещали.

– Ну, пошли, – мужчина спокойно отодвинул стакан в сторону и поднялся.

А дело, похоже, далеко заходит. Как бы не прибили его. Мужчина Женьке понравился и он, расплатившись за обед, незаметно выскользнул следом. Компания отошла на пустырь,

раскинувшийся за трактором. Видать, кто-то строиться затеял, да не получилось почему-то. Не до конца вырытый котлован и штабель брёвен, наполовину заросший лопухом – вот и всё, что напоминало о стройке. Вышедшего мужчину тут же обступили со всех сторон, недвусмысленно сжимая кольцо.

- Не много ли на одного? – поинтересовался Женька, появляясь из-за штабеля.
- Опять ты здесь? – повернулся в его сторону бугай. – Тебе что, с одного раза непонятно?
- Боров, давай я ему подходчивей объясню, – предложил тот, с волчьими ушами.
- Объясни, Шакал. Так, чтобы на всю жизнь запомнил.

Шакал пружинистым шагом приблизился к парню и насмешливо окинул его взглядом своих жёлтых глаз, прядая ушами. На вытянутом хищном лице появилась ехидная улыбка. Он уже протянул руку, чтобы схватить Женю за шиворот, когда на парня накатило. Всё вокруг опять окрасилось в розовый цвет, руки налились силой, а в груди заклокотала злость. Усилием воли, не давая разуму скользнуть в пучину бешенства, он схватил Шакала за отвороты куртки и зашвырнул далеко в сторону. Тот тряпочной куклой покатился по земле, нелепо разбрасывая руки и ноги, и замер метрах в пятнадцати. Женька развернулся к остальным и увидел, что там схватка уже началась. Мужчина, с поистине кошачьей грацией, скользил между нападающими, уворачиваясь от ударов и нанося короткие, но точные тычки, заставляющие противника сбиваться, падать и отлетать в стороны.

Бугай участия в схватке не принимал, полагаясь на то, что пятеро против одного, вполне нормальное соотношение для победы, тем более, что двое уже достали ножи, пытаясь достать ими своего противника. Поэтому, то фиаско, что постигло Шакала, не осталось для него незамеченным. Удивлённо что-то прорывчав, он бросился на Женьку, выставив вперёд свои мощные руки.

По волколачьи рыкнув в ответ, Женя, неожиданно даже для себя, мощно оттолкнулся от земли и, взмыв воздух, приземлился коленями на ключицы Борова. Хруст сминаемых костей был слышен, казалось всем вокруг. Руки бугая повисли, как плети, а окрестности огласил такой крик боли, что с дальней ветлы в небо вспорхнула стая ворон. Спрыгнув с туши, Женька нанёс противнику удар в челюсть, тщательно контролируя силу удара, и вырубил его. Схватка неподалёку прекратилась как-то разом. Забыв о драке, все изумлённо смотрели, как Боров, закатив глаза, повалился на землю.

– Что встали? – приходя в нормальное состояние, проговорил устало Женя. – Забирайте своего упыря и валите отсюда, пока и вам не прилетело. И Шакала своего заберите. Вон, валяется.

Победа действительно была настолько ошеломительной, что никому и в голову не пришло продолжать схватку. Молча, они привели в чувство Шакала, потом подняли Борова и, пригибаясь от непомерной тяжести, потащили его прочь. Минута, и на пустыре остались только мужчина и Женька.

- Что это было? – удивлённо поинтересовался мужчина.
- Ничего особенного. Ключицы я ему перебил. Теперь он руками долго ничего сделать не сможет.
- Силён! Кстати, я Кот.
- А я Женька.
- Вот, что, Женька, пошли в трактир. Помнится, ты меня угостить хотел. Так теперь я тебя угощу.

- Слушай, Жень, а что это ты решил помочь мне?
- Наглых не люблю. Этот Боров меня толкнул, когда к тебе шёл и даже не извинился.
- Кто? Боров? Извиниться? – захохотал Кот. – Да вежливость и Боров, понятия несовместимые!

– Вот и я так подумал. Да ещё и тех четверых увидел. А ты мне наоборот, нормальным показался. Вот и решил помочь.

– И помог неплохо. Спасибо тебе. От этих шести даже без Борова я бы не отмахался.

– Ну как же? Я же видел, как ловко ты с ними.

– Это вопрос времени был. Зажали бы, да ножом. И поминай Кота, как звали. А ты двоих самых опасных на себя взял: Шакала и Борова. Так что, спасибо тебе. А чем ты вообще занимаешься?

– Ничем ещё.

– Неплохо твоё «ничем» начинается! Одного из людей Марты раздел, Шакала с Боровом вырубил. Что дальше будет?

– Откуда про Марту знаешь?

– Да кто же твою одежду не узнает? Так только один из её людей одевался. Фернандо. С такой бородкой аккуратной. Да?

– Да. Был такой.

– Известный щёголь. Что с ним.

– Пришлось всех пятерых завалить.

– Что? Всю группу Марты? И сколько вас было тогда?

– Один я был. Меня за мутацию из общины изгнали. Я в лесу заброшенную деревню нашёл и жил там. А тут они. Я бы их не тронул, только они первыми начали.

– Аха-ха, не тронул бы, ха-ха, они первыми начали, – схватился за живот от смеха Кот. – Ты, хоть, знаешь, что такое Марта и её группа?

– Нет.

– Стервятники они, конечно, знатные. И сволочи редкие. Но выучка и боевая слаженность просто великолепные. Они же из таких передраг выходили, что и представить страшно. А тут простой деревенский парень случайно. Мол, не хотел. Они сами. Ха-ха, – Кот вытер слёзы, брызнувшие из глаз. – Ладно. Не переживай. Тут по ним никто плакать не станет. И чем теперь планируешь заняться?

– Не решил ещё. Мне бы коней продать для начала.

– Это те кони, что в группе Марты были?

– Ага.

– Знаю я этих лошадок. Хорошие. Помогу продать, чтобы не надули. Слушай, а не хочешь со мной поработать?

– А чем ты занимаешься?

– Я – барахольщик.

– Это как?

– Понимаешь, до Ужаса люди жили совсем по-другому. Много чего тогда было. И всё это осталось на заброшенных и забытых складах. Вот я их разыскиваю и живу этим. И Марта этим занималась. И Боров, и ещё несколько групп. В группе работать сподручнее, чем одному.

– А ты?

– Я тоже с напарником работал. Большие группы не люблю, а вот вдвоём – самое то.

– А где этот напарник сейчас?

– Недавно шатун задрал. Так и не смогли мы тогда тот склад взять. Уж больно зверья там полно. Все про этот склад знают, а добраться не могут. Сколько людей уже там навечно осталось. Так он и дожидается нас.

– Сходим. А что, вы все вот так и шныряете по лесам в поисках добра?

– Э нет. Не всё так просто. Прежде чем выехать в лес, нужно с людьми общаться, архивы смотреть. Тут здание мэра города с самого начала Ужаса стоит. Ну и архив большой. Барахольщиков пускают порыться. Нужно знать хотя бы примерное место поиска, а иногда и по косвен-

ным признакам определяешь, где порыться нужно. Работа кропотливая. Да и склады эти не всегда в лесу. В развалинах старых городов тоже можно много чего найти, если с умом.

– И вас вот так, за здорово живёшь, в архив пускают?

– А что ещё остаётся? Город за наш счёт живёт. Крестьяне продукты тащат, а всё остальное мы доставляем. Начиная с посуды, заканчивая вещами. Да и металл тоже наша заслуга.

– Что-то мне не верится, что до Ужаса люди всё добро по складам для нас распихивали.

– Так ты про это? – засмеялся Кот. – Это мы так всё складами называем. А на самом деле это может быть всё, что угодно. Что раскопаешь. Это может быть и действительно склад, и хранилище какое-нибудь, и магазин, а то и машина с полным кузовом добра, брошенная во время Ужаса, и так и стоящая посреди леса.

– Что за машина?

– А ты не знаешь? Были в своё время такие повозки, которые без лошадей ездили.

– С горы, что ли?

– И с горы и в гору. Додумались до такого люди. Изобрели штуку такую. Двигатель называется. Вот и ездили на них. Машины были небольшие, человек на пять, а были и огромные, которые столько груза перевозили, что и десять телег не увезут. Что ты так удивляешься? Я же говорил, что до ужаса всё по-другому было. Ладно, свожу тебя в кузнечный район. Там до сих пор стоят остатки машин. Сам посмотришь. Ты что, в этом тракторе остановился?

– Да, комнату снял.

– Давай ко мне перебирайся. У меня здесь домик есть. Мы с напарником там жили. А сейчас его комната всё равно пустая стоит.

– А лошади?

– Пусть пока здесь постоят. У меня конюшня на два коня всего. Ты за сколько заплатил?

– У меня ещё сутки оплачены.

– Забирай разницу и поехали.

Женька подошёл к хозяину трактора, так же монументально возвышающемуся за стойкой.

– Уважаемый, позвал он, я сегодня съезжаю.

– Ну, съезжай, – не удостоив парня даже взглядом, процедил тракторщик.

– Так, мне бы разницу за сутки вернуть?

– С чего бы это? – снизошёл до взгляда хозяин. – Деньги не возвращаю. Хочешь – доживай, за сколько заплатил, не хочешь – проваливай.

– Ты, Пельмень, не грубил бы парню, – раздался за спиной голос Кота. – Час назад он Борова покалечил. Следующим быть не хочешь?

– Врёшь? – недоверчиво вскинул брови тракторщик.

– А ты, будто не видел, как меня Боров с дружками выводил отсюда?

– Ну, видел.

– А то, что парень следом выскочил, тоже, небось, заметил.

– Было дело.

– И, как ты думаешь, почему это мы живые и невредимые вернулись?

– Да кто вас знает? Откупились, может.

– Ага. Откупились. Да так, что Боров ещё долго даже в туалет без чужой помощи не сможет сходить. Ну, я тебя предупредил. Жека, бери его. Он твой. Не волнуйся. Я покараулю, чтобы тебе никто не мешал. Да за него, крохобора, никто по своей воле и не заступится.

– Эй! Полегче, – побледнел Пельмень. – Уж и пошутить нельзя. Держи свои деньги. Лошадей куда девать будешь?

– Четыре коня на сутки ещё оставляю.

– Ну, значит, не обессудь. Четыре монеты я удержу.

– Вот это другое дело! – хлопнул его по плечу Кот. – Фишку сечёшь.

Домик, принадлежащий новому другу и напарнику, был, действительно, небольшим. Две комнаты, одна большая, в которой жил Кот с женой Катериной, другая поменьше, для Женьки и небольшая гостиная, выполняющая роль и кухни и столовой.

– Вот твои хоромы, – обвёл рукой комнату Кот. – Тут поживёшь, а там, глядишь, и себе домик прикупишь. А сейчас поехали насчёт твоих лошадей договариваться. Пока туда – обратно, Катюха ужин приготовит.

И снова Женя поразился. У них в деревне женщина бы пальцем не пошевелила, чтобы что-то приготовить для мужа. Накрывать на стол – обязанность мужчины. Верхами они проехали по городу. Парень с любопытством оглядывался по сторонам. Одно и двухэтажные строения, какие бревенчатые, а какие кирпичные, ещё старые. Были и достроенные из полуразвалившихся каменных. А, какие, на старом, каменном фундаменте, но бревенчатые сверху. Между домами проглядывали развалины и просто горы битого щебня, на которых играли чумазые дети. Женщины с полными авоськами суетливо сновали по улице или занимались хозяйством во дворах. Это было самым непривычным и резало глаз. В деревне женщины ходили степенно, никуда не торопясь. А вид стирающей во дворе, мимо которого как раз проезжали, женщины, вообще, поверг парня в шок. Проехали мимо рынка, завернули за большое двухэтажное кирпичное здание и попали в район длинных дощатых сараев. Судя по запаху, витающему в воздухе, это были места для содержания скота.

– У нас город так устроен, – пояснил Кот. – На районы делится. Есть район кузнецов, есть – мастеровых, портных, оружейников. А это – скотоводов. Скот-то на фермах разводят. А сюда на продажу приводят. Что на мясо, а что и в другие фермы пойдёт. Ну и горожане не прочь коровкой разжиться, чтобы с утра молоко свежее было. Или курочками. Туда дальше птичники пойдут.

– А мы куда?

– Сейчас коровники проедем, загоны с конями пойдут. Есть там такой заводчик Петрович. С ним и поговорим.

Петрович оказался худощавым плешивым мужиком неопределённого возраста в овчинном тулупе на голое тело.

– Привет, Кот! – вскинул он в приветствии руку с зажатым в кулаке кнутом.

– И тебе не болеть, Петрович. Познакомься, мой новый напарник Женька.

– В гости зашли, или по делу?

– По делу. В гости как-нибудь в другой раз.

– Что хотел-то?

– Есть четыре лошадки. Неплохие. Возьмёшь?

– Ну, на словах у вас все лошадки неплохие. А как приведет, кляча клячей.

– Ты коней у Марты в группе помнишь?

– Ну, помню, конечно. Сам им подбирал.

– Так вот это они.

– А что это марта с конями расстаться с ними решила? Лучше подобрала, или машину, какую, оживила?

– Кончилась Марта.

– Да ну? Не может быть!

– Может, Петрович, может. Вот эту конягу не узнаёшь?

– Так это же конь Марты! Уголёк.

– Вот то-то и оно.

– Ведите мне завтра их. Посмотрю. Если не порченые, возьму. И цену справедливую дам.

– Мы поэтому к тебе и пришли, что ты цену нормальную даёшь.

– Тогда договорились. Завтра жду. Не пойму, и чего это мои савраски в дальнем конце загона сбились? Обычно, носятся, как оглашенные.

Кони, действительно, сбились в кучу и тревожно всхрапывали, напирая на ограждение. Напарники попросились и поехали назад.

– Женья, ты ничего не хочешь мне сказать? – поинтересовался Кот, когда они уселись за стол и приступили к ужину.

– Ты это о чём?

– Думаешь, я не заметил, что кони у Петровича от тебя шарахнулись? В коровниках коровы мычанием исходили, пока мы мимо проезжали. Я свою кобылу еле сдерживал, да и твой Уголёк вон как дрожал под тобой.

– Ты про это? Понимаешь, года два назад меня волколак укусил. Вот эту кисть отхватил напрочь. А недавно она расти начала. Видишь, как новенькая. А зверьё всё стало меня шарахаться. Не поверишь, даже хозяин, то есть медведь, меня учуял и дал дёру. И волколаки не трогают.

– Да ты что! Да ты находка! Помнишь, я про склад говорил, у которого моего напарника шатун задрал? Если всё так, как ты говорил, то мы его с тобой возьмём!

– Надо будет сходить. Посмотреть.

– Сходим. Давай доедай и спать. Завтра с утра коней погоним к Петровичу. Потом, на рынок. Экипировать тебя надо будет. Не век же тебе петухом ряженым ходить.

– Ну, да. Мне эта одёжка и самому не нравится.

– Сейчас в баньку, сходим. Там тебе Катька кое-какое бельишко приготовила на первое время. Правда, размер не твой, но пойдёт.

После бани у Женьки появилось такое ощущение, словно заново родился. Счастливый, он улёгся на чистую постель и сразу уснул. Даже не уснул, а провалился в тёмную яму сна. А во сне к нему пришёл Он. Кто это был, Женья не знал. Тёмный силуэт на фоне бесконечной круговерти каких-то пятен, вспыхивающих и мигающих огней и непроглядной тьмы. Разозлившись больше на свой страх, парень резко, почти без перехода, вошёл в волколачье состояние и приготовился к прыжку. Он захохотал и вытянул руку, от чего Женьку свернуло в клубок и придавило к земле. Волколак в голове парня забился в панике и тихонечко заскулил.

– Вот так, – пронеслись в голове чужие слова. – Бойся.

Он ушёл, а Женька проснулся весь в поту, сел на постели и долго сидел, бездумно плясая в темноту за окном. Казалось, этот Он недалеко. Где-то рядом. Так и стоит на улице, сверля парня своим взглядом сквозь стекло.

– Ты, Жека, посиди пока в трактире, пивка попей, – предложил Кот, когда они забирали у Пельменя лошадей.

– Почему?

– Уж больно лошадки на тебя реагируют. Придерётся Петрович, что кони нервные, ещё цену сбросит. Я за тобой потом заеду. На базар пойдём.

Кот угнал лошадей, а Женька устроился в уголке и стал потягивать принесённое официантом пиво. Из головы не шёл сон, виденный ночью. Вроде, чего заморачиваться? Сон есть сон. Мало ли что приснится? Но всё было настолько реальным, словно не сон это, а просто провал в другой мир. Мир неземной, нездешний. И там, в этом мире живёт и ждёт своего часа огромное и всесильно нечто.

– Оп-па! – голос рядом заставил вздрогнуть. – Какие люди!

К столику развинченной походкой подходил Шакал в сопровождении двух личностей, которых он уже видел на пустыре.

– Смотри, сидит, пиво пьёт. А из-за него хороший человек мучается, даже ложку ко рту поднести не может.

- Это боров, что ли, хороший человек? – поинтересовался Женька.
- Ну не ты же, мразь, – Шакал старательно взвинчивал себя и явно нарывался на драку.
- Слушай, тебе прошлого раза мало было? Хочешь, как Боров?
- Ты что сказал? Побеседовать не хочешь?
- Нет. Не хочу. Я сегодня не убиваю. Поживи пока.
- Ах ты тварь!
- Так, что тут у вас? – раздалось за спиной.

К столику неспешно подошёл коренастый мужчина средних лет с пышными усами. За ним переминались с ноги на ногу трое здоровых парней с самострелами в руках.

- Ты, шериф, не лез бы не в своё дело, – ощерился Шакал.
- Уж без тебя решу, где моё дело, а где не моё. Даю минуту на то, чтобы убраться отсюда.

Через минуту арестую.

- Ещё увидимся, сопляк, – прошипел Шакал и, кивнув своим, поспешил на выход.
- А ты, молодой человек, задержись, – Шериф придержал начинающего вставать Женьку. Парень опять плюхнулся на стул и выжидательно уставился на мужчину.
- Ты, видать, новенький здесь. Так?
- Да. Третий день.
- И уже успел отметиться. Не ты Борова покалечил?
- Я. Только не покалечил я его. Ключицы срastутся и опять нормально всё будет.

– Да тут как раз всё нормально. Не дребезжи. Меня зовут Игорь Михайлович. Я – шериф в этом городе, то есть человек, который следит за соблюдением порядка. Поэтому специально пришёл к тебе, чтобы провести инструктаж по правилам поведения в населённом пункте. Правил не особо много, но они все должны соблюдаться неукоснительно. Запомни: в городе запрещено грабить, воровать и убивать. За это сразу смертная казнь через повешение. Не приветствуется тунеядство. Всех побирушек сразу выкидываем из города. За дебош и драку можем задержать и посадить под арест или отправить на принудительные работы на благо города. Запрещено носить оружие в заряжённом виде. Вот за такой арбалет, – он кивнул на самострел в руках одного из своих сопровождающих, – можно неделю пахать на принудительных работах. Если переносишь его, тетива должна быть спущена, а все стрелы в колчане. Понял?

– Понял.

– Ну, раз понял, то моя миссия выполнена. Теперь, случись чего, ты не сможешь сказать, что не знал. Ладно, бывай. И не шали.

Шериф поднялся и так же степенно вышел из трактира. Женька отставил в сторону кружку со ставшим вдруг невкусным пивом. Только настроение испортили. Теперь жди, когда этот шериф опять заявит и спросит с него за смерть Марты и её людей. А Женька, ведь, и не скрывал, что их всех перебил. Видать, до шерифа ещё не дошло это известие. А как дойдёт, так и поведёт парня на виселицу. Чёрт! А как хорошо всё складывалось! Теперь нужно бежать из города.

– О чём задумался? – голос Кота заставил Женьку вздрогнуть.

– Шакал приходил, подраться хотел.

– А ты?

– А я не хотел.

– И что, он так и отстал?

– Шериф его прогнал.

– Так тут ещё и шериф отметился? Неплохо ты время провёл, пока я за твоих лошадок с Петровичем торговался!

– Ага. Шериф мне тут правила поведения в городе озвучил. Короче, за убийство – петля. А я людей Марты всех, как котят передушил.

– И что?

– Как, что? Узнает он об этом и всё. Буду на виселице болтаться.

– Так, вот ты от чего расстроился? – расхохотался Кот. – Расслабься. То, что происходит за стенами города, его не касается. Хоть всех перебей. Главное, чтобы в городе был порядок. А, вот, Шакал тебя точно подставить хотел. Он же понимал после вчерашнего случая, что с тобой не справится. Значит, хотел подставить под тебя одного из своих людей. Ты же, ведь, не знал здешних законов. Убил бы кого-нибудь во время драки и всё. Виселица. Вовремя шериф пришёл. Очень вовремя.

– Кот, расскажи мне о городе, – попросил Женька, подзвав официанта и заказав ещё пива себе и Коту.

– Да что рассказывать то? Город, как город.

– Ничего себе! Вон, большой какой!

– Ну, по сути дела, это только часть того города, который был здесь до Ужаса. И очень маленькая часть. Если за восточную стену выйти, там увидишь остатки. На многие километры тянутся вымершие улицы, полуразрушенные и целые дома и следы пожаров. Люди просто освоили только эту территорию. Страшно подумать, сколько народу раньше там жило. Мы на тех развалинах тоже шарим. Там до Ужаса много добра было. Говорят, в каждой квартире можно было много чего набрать. Но, за столько лет всё растащили. На моей памяти всё вокруг уже голое было. Но, если покопаться, под развалинами ещё много чего есть. Только, знать, где искать. Ладно, пошли на рынок. Тебя переодеть надо. Держи свои деньги за лошадей. Не сомневайся, копейка к копеечке. Всё в лучшем виде.

Рынок встретил гомоном и людской толчеей. На грубо сколоченных прилавках продавалось всё. Тут тебе и одежда, и обувь, и оружие, и бытовая утварь. Кот сразу потащил Женьку куда-то в глубину и, после долгого лавирования между покупателями и просто зеваками, остановился возле прилавка, за которым стояла дородная женщина с толстой косой, обёрнутой вокруг головы.

– Вот, Ирина, покупателя к тебе привёл.

– А у меня такого товара и не было никогда, – проговорила продавщица, окинув взглядом одежду парня.

– Да нам такого и не надо. Давай то, что я тебе вчера заказал.

– Пройдите туда, за загородку. Там Валюха выдаст. Сразу и померите.

За дощатой загородкой молодая девчушка вытащила из шкафчика свёрток и развернула его.

– Вот, смотрите, – заявила она высоким писклявым голосом. – Всё, как ты, Кот, заказывал. По твоему проекту, как говорится, – девчонка прыснула в кулачок.

– Давай, меряй, – Кот подвинул вещи Женьке. – Должно быть в пору. У меня глаз – алмаз.

– И когда ты успел?

– Дурное дело нехитрое. Меряй, давай.

Парень осмотрел одежду. Грязно-зелёные штаны из грубой ткани со множеством карманов, толстой вязки серый свитер, кожаная куртка неопределённого грязного цвета, неожиданно тяжёлая, и кожаная шляпа с мягкими полями, пристёгивающимися к тулье.

– Меряй, не бойсь, – подбодрил его Кот. – Как Валюха говорила, мой проект. Опытным путём подобрал самый удачный вариант. Штаны – почти брезент. Видишь, задняя часть и колени укреплены дополнительными накладками? Карманы лишними не бывают, а значит, много чего необходимого туда положить можно. Свитер баба Маша вяжет. Знатные у неё свитера получаются. И греют и тело не прет. А куртка – вообще песня. Думаешь, почему она такая тяжёлая? Вставки там металлические сзади и спереди. Ни в спину, ни в грудь, ни в живот стрела из самострела не пробьёт. Про нож и говорить нечего. Плечи тоже пластинами укреп-

лены. Предохраняют от удара дубиной или саблей. На левом плече крепление для ножа. На груди справа гнезда для стрелок.

– Каких стрелок?

– Сейчас самострел для ближнего боя на оружейных рядах подберём. Там маленькие стрелки используются. Сантиметров по пятнадцать. Сам увидишь. На левой стороне крепления для метательных ножей.

– Да у меня нет их. И метать не умею.

– Научу. А ножи купим. Зря я похвастался, что у меня глаз – алмаз. Всё в пору пришлось, а вот в плечах великовато немного и рукава широковаты. Может, отдадим на переделку?

– Не надо, – Женька вспомнил, как бугрятся и раздуваются мышцы в момент обращения в волколака. – Нормально всё.

– Ну, тебе носить. Сейчас повседневную одежду тебе подберём и к кожевникам пойдём. Ремни подобрать надо.

Совсем рядом, у хмурого бородатого мужика купили холщовые штаны, рубаху и суконную куртку. По городу ходить – самое то. Одежда удобная и лёгкая. Женька сразу же переоделся, с облегчением скинув свой кричащий наряд, и тут же продал его мужику. Даже, в прибыли остались. Только шляпу оставил. Добротная шляпа, хорошая.

– Ещё бы эти ботинки тесные сменить, – неуверенно произнёс парень.

– После кожевников к сапожникам пойдём. Я там знаю, у кого брать.

У кожевников подобрали пару поясных ремней прекрасной выделки, один попроще, на повседневку, другой – помощнее, с кольцами, на которые много чего подвесить можно, на выходы за добычей. Сапожные ряды пестрели своеобразной обувью. Чего только там не было! И простая обувь, не блистающая изысками, попадались, даже не крашеной кожи, грязного цвета, и расфуфыренные сапожки с цветной аппликацией, и мужская обувь и женская. Аж глаза разбегаются. Однако Кот равнодушно прошёл мимо всего этого великолепия и направился напрямик к высокому мужчине с широкими лопатообразными ладонями.

– Привет, Григорьич!

– О, Кот! Привет. За ботинками пришёл?

– Да. Вот мой новый напарник. Женькой зовут. Ему обувь хотим взять.

– Какую брать будете?

– Одну пару боевых, одну повседневных.

– Вот, померь эти, – мужик протянул Жене пару ботинок. – Кожа мягкая, подошва многослойная, с металлическими вставками, чтобы ногу не пропороть на развалинах.

Женька примерил ботинки и остался доволен. Действительно, удобные, хоть и слегка тяжеловатые. Вторую пару приобрели для повседневного ношения, тоже, неплохую. Лёгкие удобные ботинки мягкой кожи, сидели на ногах, словно тапочки. У оружейников приобрели самострел для ближнего боя, маленький, величиной с две ладони, стрельба из которого ведётся с одной руки навскидку в упор. Вещь коварная, поэтому нужная. Сразу к нему приобрели набор стрелок и у этого же продавца – комплект метательных ножей. Походили ещё по рынку, набрали ещё по мелочи и, довольные покупками, вернулись домой. Катерина собрала на стол, и они присели обедать.

– После обеда пойдём в архив, – с набитым ртом проговорил Кот. – Покопаемся там.

– Что искать будем?

– Да вот, хочу по развалинам пройтись. Должны там склады быть.

– Ты же сам говорил, что от туда за столько лет всё уже вынесли.

– Есть один райончик. Там зверья полно. Одни крысы чего стоят. В город прорывались несколько раз, детей прямо из колыбели утаскивали. Вот туда особо не лезут. А если у тебя такие волколачьи способности, то сам Бог велел туда сунуться. Только сначала надо архивы прошерстить, чтобы наверняка идти.

Охранник в мэрии ещё издали узнал Кота и приветливо помахал ему самострелом.

– Что, Кот, опять пришёл в бумажках порыться? – засмеялся он.

– Работа такая.

– Иди. Там до тебя Шакал рылся. Тоже что-то искал.

– Ушёл?

– Ага. Недовольный такой.

– С чего это ему довольным быть? Боров даже штаны самостоятельно снять не может.

Всей банде печаль: то с ложечки кормить, то в туалет водить и задницу ему подтирать.

– Слышал уже. А кто его так?

– А вот он, – Кот кивнул на парня. – Познакомься. Это Женька. Мой новый напарник.

– Это вместо Шила? Да, жаль мужика. Жестоко его медведь.

– Да уж.

– Что-то не верится, что этот паренёк Борова покалечил. Хлипкий он какой-то.

– Борову уже так не кажется, – засмеялся Кот. – Ты не сомневайся. Это всё на моих глазах было.

– Ладно, идите, сказочники.

Архивом оказалась довольно большая комната, сильно заставленная шкафами, буквально ломившимися от папок с бумагами. Кот прошёлся вдоль шкафов, что-то бубня про себя. Наконец, он остановился возле нескольких, объединённых малопонятной надписью: «Ворошиловский р-н» сверху.

– Вот здесь и будем искать. Я смотрю бумаги, а ты наблюдай и учись. Сначала нужно определиться с папкой. О! Например, вот эти. Видишь? Написано: «ТОО «Спорттовары». Тут может быть кое-что интересное. Я уже наталкивался на склады, где были неплохие вещи в упаковке с такой маркировкой. Вот теперь смотрим накладные. Видишь, вот эти бумаги? Так и написано: «Накладная».

– И что это означает?

– Где-то был большой склад, на котором хранился товар. А оттуда он развозился по складам поменьше. Как-то так. Брали вот такую бумажку и писали, сколько, чего и куда везти. Понял? Вот сейчас и посмотрим. Так, спортивная форма. Что за ерунда? Не нужно. Ещё форма, кроссовки какие-то, футболки... Всё не то. О! Котелки туристические, кружки алюминиевые, ножи... То, что надо. Выписываю адрес. Следующая накладная. Вот так это и делается.

– И что, сейчас пойдём по адресам и всё соберём?

– Ох, быстрый какой! Не всё так просто. Во-первых, этот адрес найти ещё нужно. Это раньше, говорят, на каждом доме табличка висела. Улица, там, номер дома. Легко было отыскать. А сейчас нужно отыскать этот адрес на старой карте города, понять примерно, где это находится, а потом уже кружить по заброшенным домам, отбиваясь от зверья. И, даже, если найдём, не факт, что оттуда уже давно всё не вынесли. Это тяжёлая и кропотливая работа.

В архиве просидели довольно долго. Женька, от осознания своей бесполезности, сначала терзался угрызениями совести, потом стал откровенно скучать, а потом уже вообще стал клевать носом. Наконец, Кот захлопнул блокнот, убрал его в карман и с хрустом потянулся.

– На сегодня всё. Предлагаю пойти в трактир и отметить наш первый совместный рабочий день. А завтра с утра займёмся обработкой того, что сегодня отыскали.

– Слушай, а Боров тоже вот так сидел в архиве? И Марга?

– Нет. На них специалисты работают. Одни в архиве сидят. Вот, как Шакал до нас сегодня. Другие данные обрабатывают. А они в это время по кабакам гуляют. А, как результат появляется, уже выходят на поиски. Это я, сначала с Шилом, а потом один. И в архиве порыться, и данные обработать, и на поиски отправиться. Вот, теперь с тобой.

И, всё-таки, Женька не так представлял работу барахольщика. Он думал, что будет повеселее. Быстренько подумали, пошли и взяли. А тут столько сложностей. Но осваивать надо. Не в привычках у Женьки бросать начатое дело. Конечно, поначалу кажется всё сложным и непонятным. Но, Кот же справляется.

Трактир встретил напарников гомоном голосов. День клонился к вечеру, и народу уже набралось достаточно. На небольшом возвышении терзал гитару какой-то парень, а мужик, рядом с ним, закусывал только что выпитую стопку самогонки, используя поставленную на пол гармонь вместо столика.

– Блин! – возмутился вдруг Кот. – У нас в городе что, один трактир, что ли?

– Что случилось?

– Да вон, Шакал с компанией гуляет. Ого! И Боров здесь?

Женька посмотрел в дальний конец зала и действительно увидел довольно примечательную компанию. Хмурые лица и злые взгляды. А во главе всего этого великолепия восседал Боров со свирепым лицом, валиками под мышками и подвешенными и примотанными к телу руками. Возле него суетился остроносый мужичок, то заливая ему в глотку самогон, то протягивая вилку с огурцом, то ложку с картофельным пюре. Картина была настолько комичной, что Женька рассмеялся.

– И что будем делать? – спросил он, отсмеявшись.

– Да ничего. Сядем вон туда и будем расслабляться.

И расслабились. Отдохнули неплохо. Кот взял себе самогонки, но Женька пить не рискнул. В деревне у себя он ничего крепче пива не пил и не знал, как подействует самогон на его организм. Так что и здесь решил ограничиться пивом. Тем более, что оно ему нравилось. Домой вернулись поздно вечером, почти ночью, нарвались на укоризненный взгляд Катерины, и Женька быстренько юркнул к себе в комнату. Уже засыпая, он слышал, как выговаривала Катя Коту, и как он оправдывался, что-то говоря в ответ.

А наутро всё было нормально, словно никакой размолвки между супругами не было. Напарники уселись за стол, и Женька опять хлопал глазами, наблюдая за священнодействиями Кота. А Кот весь закопался в свои записи, пытаясь что-то ещё объяснить напарнику. На стол легла карта города, каким он был до Ужаса, и Женька поразился тому, каким действительно огромным был город. Маленький участок на самой окраине, обведённый красным карандашом, вот и вся территория, где сейчас живут люди. Наконец, поводя пальцем по карте, Кот ткнул в одну точку.

– Идём туда, – провозгласил он.

– Почему туда?

– Я же тебе объяснял. Чем ты слушал? Наибольшее количество перемещений товара в этом районе именно в эту точку. Там должен быть склад.

– А если там уже пусто. Может, Боров уже там порезвился. Или Лихо.

– Район слишком опасный. Я специально такой выбирал. Если то, что ты говорил про свои способности, правда, то мы туда залезем, куда остальные и сунуться боятся. Короче, завтра с утра выходим.

Из города вышли рано утром. Только первые солнечные лучи осветили крыши домов, охранник отворил скрипучие ворота, и напарники выехали из города. Сразу за забором потянулась древняя улица, когда-то мощённая чем-то серым, крошащимся под копытами лошадей и островками попадавшимися между зарослей кустов и густой травы. По сторонам возвышались полуразвалившиеся бревенчатые дома и каменные, в гораздо лучшей сохранности, слепо глядящие на путников провалами окон.

Женька мерно покачивался в седле, придерживая притороченный самострел и оглядываясь по сторонам. В окне одного из одноэтажных домов мелькнул силуэт, и напарники напряг-

лись. Кот пропустил Женьку вперёд, взвёл тетиву и, полуобернувшись, поехал следом, удерживая окна под прицелом.

– Что это было? – поинтересовался парень, когда они отъехали достаточно далеко.

– А кто его знает? Может, зверь, какой. Тут, какого только зверья не бывает. Места-то пустынные. Зверью раздолье. Правда, здесь город рядом. Дальше побольше будет.

Улица вела дальше, одноэтажные дома сменялись двухэтажными, двухэтажные – трех и пятиэтажными, да и улица расширилась. Кое-какие дома были в состоянии разной степени разрушения, словно с ними поигрался какой-то исполин, сминая стены, словно песочный замок. Стая крыс ростом с собаку выскочила на кучу битого щебня и, увидев барахольщиков, с пронзительным писком, скрылись в развалинах. На одном из перекрёстков Кот притормозил коня и, сверившись со своими записками, повернул налево. Опять потянулись мёртвые кварталы и зияющие пустотой многочисленные окна, несколько раз в окнах опять мелькали тени, но никто на свет так и не вышел.

Подъехав к достаточно просторной будке, сложенной из ровных прямоугольных камней, Кот открыл железные ворота и зашёл внутрь. Женька прошёл следом и с любопытством огляделся. Внутри помещение было почти пустым, если не считать ряда железных шкафов, стоящих у дальней стены. По всей видимости, шкафов изначально было больше, о чём говорили многочисленные невысокие постаменты и куски железных прутьев, торчащие из них.

– Вот здесь мы коней и оставим, – удовлетворённо проговорил Кот.

– А почему именно здесь?

– А где же ещё? Место хорошее. Я, как-то, присмотрел. Это граница более-менее безопасной зоны. Дальше мало кто ходил. С лошадьми непросто будет. На них по развалинам не поедешь. А оставить, для того, чтобы в какой-нибудь подвал залезть, так пока лазить будешь, съедят лошадок. Пусть, лучше, тут постоят. Целее будет. А, если найдём чего, недолго за ними и вернуться.

Кот завёл лошадей в будку, плотно закрыл ворота, продев в петли металлический штырь, и, взяв наизготовку самострел, пошёл вперёд. Женьке ничего не оставалось, кроме, как, пойти следом. Пошли уже не по дороге. Кот свернул во двор пятиэтажки и стал продираться сквозь густой кустарник. Добравшись до следующего дома, вошли в дверной проём, в котором не было двери, поднялись по лестнице и вошли в одно из помещений. Уверенно, словно, сто раз был здесь, Кот провел через комнаты и показал на окно.

– Нам туда. Прыгай и сразу в право. Я прикрою. Потом возьмёшь на прицел вон те окна, пока я выбираться буду.

Женька выпрыгнул из окна и, отскочив за куст, вскинул самострел. Шорох за спиной оповестил о том, что Кот тоже выбрался из дома.

– Теперь бежим туда, – шепнул напарник и побежал первым.

– Слушай, а что мы так таимся? – поинтересовался Женька, поравнявшись с Котом.

– Зверья здесь полно. Не стоит привлекать внимания. Твой дар, ещё, не понятно, работает, или нет. Рисковать не будем.

Дворами проскочили дальше, миновали основательно заросшую рощицу, в глубине которой были видны металлические конструкции. Уже обходя её, вдруг услышали за спиной рык. Кот обернулся и побледнел. Из кустов выходили собаки. Большие, по пояс среднему человеку, поджарые, с оскаленными клыками и высунутыми чёрными языками, с которых на землю тягуче стекала слюна.

– Блин! – зашипел Кот. – Как же я не люблю собак!

– Кто бы сомневался, – отозвался Женька, целясь в псов.

А псы всё прибывали. Если, сначала, было только четыре особи, то теперь не менее пятнадцати собак плотно сжимали кольцо.

– Не отобьёмся, – мрачно бросил через плечо Женька. – Эх, жаль саблю не взял. Можно было бы помахать неслабо.

– Ты же говорил, что зверьё твоего запаха боится, – заметил Кот.

– Эти, видать, не боятся, – в груди парня медленно стала закипать злость.

Вперёд вышел огромный, почти чёрный кобель с широкой грудью и мощными лапами, и глянул на напарников, почти по-человечески умными, глазами, словно говоря: «Что, много вы своими железяками сделаете? Может, по старинке, на зубах?» Злость в груди вспыхнула огненным шаром, мышцы привычно налились силой, а из горла вырвался хриплый рык. Собаки заскулили и резко сдали назад. Только вожак упорно глядел в глаза, нервно подёргивая хвостом.

– Ну, что ж, – вслух прорычал Женя. – Один на один, так, один на один.

Слегка расставив в стороны руки и ссутулившись, он двинулся навстречу. Пёс напрягся и рыкнул, готовясь к бою. И вот тут всё вокруг опять окрасилось в розовый цвет. Несмотря на звериную злость, охватившую сознание Женьки, он с удивлением наблюдал, как вокруг всё резко замедлилось. Вот, вожак медленно, тягуче, оттолкнулся от земли и не спеша поплыл по воздуху в направлении парня. Женя спокойно отошёл в сторону, пропуская пса мимо, себя взял его за холку и хвост и запустил им в стенку. Всё, схватка закончилась. Вожак с расколотой об стену головой упал у фундамента. Обернувшись к остальной стае, парень неожиданно для себя утробно зарычал. Собаки, поджав хвосты, ринулись наутёк. Розовая пелена спала с глаз, Женька обернулся и увидел ошарашенного Кота с открытым от удивления ртом.

– Всё. Кончились собаки.

– Что это было? – наконец заговорил Кот.

– Вожака замочил, что ещё?

– Как у тебя получилось?

– Что получилось?

– Ты на этого пса пошёл, а он прыгнул. Он же тебе прямо в горло целил. Тут без вариантов. И вдруг ты оказываешься сбоку и швыряешь пса в стену. И такие волны от тебя идут, что все волосы дыбом встали. Ну, а когда ты на остальных собак зарычал, тут даже мне захотелось в кусты сигануть.

– Я же тебе говорил, что во мне волколачья кровь. Вот, временами так и проявляется. Я в эти минуты сам себя боюсь.

– Ну, по крайней мере, отбились. Пойдём дальше.

К месту вышли уже ближе к обеду. Напарники встали перед мешаниной полуразрушенных зданий, и Кот опять полез в свои записи.

– Где-то здесь. Под завал лезть надо.

– Ну, раз надо, то полезем, – согласился Женька.

Вход вниз нашёлся под наклонной плитой. Четыре ступеньки вели вниз и окончились низенькой дверцей. Кот потянул дверь на себя, и она рассыпалась в руках на трухлявые куски. Дальше тянулось тёмное большое помещение, длину которого из-за темноты определить было невозможно. Кот достал из кармана пузырёк, ловко ввинтил в горлышко фитиль и добыв с помощью огнива огонь, зажёл импровизированную масляную лампу. Темнота сразу немного отодвинулась, позволяя, по крайней мере, передвигаться, не рискуя переломать ноги о разный хлам, валяющийся на полу. Помещение прошли насквозь и вышли к такой же низенькой двери на другом конце.

Уже имея опыт обращения с таким гнильём, Кот просто пнул дверцу и вышел наружу. Опять такие же четыре ступеньки, площадка, зс выходом, заваленным обломками плиты и лестница наверх. Поднялись на один пролёт и сунулись в один из дверных проёмов. Пустые

комнаты с трухлявыми обломками чего-то деревянного, скорее всего мебели. Не то. Сунулись в следующий – то же самое.

– Что за ерунда? – удивился Кот, опять просматривая свои записи. – Ведь должно быть где-то здесь. А ну-ка, давай мы вот тут вылезем из окна и до того дома пробежимся.

Они вылезли из оконного проёма и опять стали продираться через кустарник к следующему дому. Кот уже приноровился, чтобы залезть в окно, когда Женька бросил взгляд на стоящий перпендикулярно дом с высоким монолитным крыльцом.

– Кот, может, там посмотрим?

– Пошли. Вроде, это то, что нам нужно.

Кот поднимался первым. Пока он открывал двери, Женьку не покидало внезапно появившееся чувство, что они не одни. Наконец, напарник справился с замком и шагнул внутрь.

– Что застыл? Пошли уже.

– Подожди. Тут есть кто-то?

– Внутри?

– Нет, снаружи.

– Кто здесь быть может? Пошли.

Женька последовал за Котом и оказался в большом полутёмном помещении, захлапленном полуразвалившимися подгнившими стеллажами с кучками гнилья на полках.

– Да тут и брать нечего.

– Не спеши с выводами. Это первый зал. Смотрим дальше.

Чувство присутствия кого-то пропало. Женька оглянулся ещё раз и, успокоившись, последовал за напарником. Через арку прошли в следующую комнату, которой были стеллажи пониже. На полках лежали, словно выставленные для показа различные ножи, котелки, кружки, ложки, длинные металлические штыри с остриём на одном конце и витой ручкой на другом, и другие непонятные предметы.

– Да тут уже всё проржавело, – разочарованно проговорил Женька.

– Ну, во-первых, не всё. Котелки и кружки ещё нормальные. А, во-вторых, это те вещи, которые открытыми лежали. Главное, мы выяснили, что это место никто до нас не нашёл. Где-то здесь должно быть помещение, где всё остальное в упаковках хранится. Вот оно нам и надо.

Нужное помещение отыскали в самом конце. Кот сразу направился к груде каких-то свёртков, завернутых во что-то прозрачное, блестящее и шелестящее, приятно холодившее руки своей гладкой поверхностью, лежащих среди гнилой трухи.

– Что это?

– До Ужаса так вещи упаковывали, – пояснил Кот. – Мы такое не раз находили. Не мокнет, не гниёт, не портится. Жаль, сейчас такого делать никто не умеет. Грузим в мешки. Дома разберёмся, что это. Главное, что вещи в упаковке целые.

Женька сбросил свой ранец с плеч и достал оттуда два объемистых мешка. Кот сделал то же самое и стал сноровисто набивать их блестящими свёртками. Минут за пятнадцать все четыре мешка были полными.

– И как теперь их тащить? – поинтересовался парень, приподняв один из них. – Тяжёлые.

– Здесь за домом проходит улица. Вытащим по одному мешку к дороге, и ты сходишь за лошадьми. Тебе, ведь, всё равно зверьё не страшно. А я покараулю. На сегодня достаточно. А завтра придём ещё раз. Тут, похоже, не одна ходка потребует. Вкусное место.

Чувство постороннего присутствия появилось снова. Женька тревожно обернулся, но никого не заметил.

– Знаешь, пошли, лучше вместе.

– А что, сам не справишься?

– Мне показалось, что поблизости волколак был. Я почувствовал его. Поэтому, тебе стоит держаться возле меня. Я смогу тебя защитить. А если один останешься, он до тебя доберётся.

Кот серьёзно глянул на парня и, пожав плечами, взялся за мешок. Женька, тоже, взвалил свой за спину и потащил следом. Улица, действительно, находилась прямо за домом. Свалив свою поклажу под куст, они слегка замаскировали её и вернулись за следующими мешками.

– Ты серьёзно считаешь, что где-то здесь кружит волколак?

– Да. Всякий раз, перед появлением этой твари меня посещало именно такое чувство.

– Тогда пошли.

До лошадей добрались за полчаса. Лошадки оживились, всхрапнули и забили копытами в предвкушении конца своему заключению в тесной коробке. Верхами проехали по улице, нашли спрятанный товар и загрузили мешки. Кот с Женькой садиться не стали, повели коней под узцы. Слишком тяжело было бы для животных тащить двойной груз. Оба были напряжены, постоянно глядя по сторонам. Не хватало ещё нападения. Людей в этих краях они не ожидали, а, вот, от зверья можно было ожидать чего угодно. Только, когда вдали показалась будка, где они прятали лошадей, чувство тревоги стало уменьшаться.

– Уже полегче, – наконец, проговорил Кот. – Здесь от зверья можно подляны не ожидать. Разве, что на людей можно нарваться. Но это проще.

– А что, люди тоже могут напасть?

– А ты как думал? Убивать только в городе нельзя. А здесь, кто от хорошей добычи откажется?

– Тогда у меня есть предложение.

– Какое?

– Посиди-ка ты с лошадками в этой будке, а я по маршруту пробежусь. Посмотрю, что, да как.

– Как ты засаду увидишь? Это, на то и засада, что узнаёшь о ней, когда поздно.

– А я в волколачье состояние войду. В нём всё замечу. От меня не спрячешься.

– Ну, попробуй.

Женька дождался, когда Кот заведёт коней в будку и прикроет за собой ворота, потом прикрыл глаза, вызывая внутри необходимые эмоции. В мышцы опять стала заливаться мощь, а в глазах зарозовело. Не останавливаясь на этом, он стал погружаться дальше и, наконец, в уши ударили доселе неслышимые звуки, а от многообразия запахов закружилась голова. Парень потихоньку уравнивал эмоции, покрутил головой, приноравливаясь к новому слуху и чутью, при этом усилием удерживая разум от соскальзывания к первобытным инстинктам. Тут же, совсем рядом повеяло волколаком. Всё-таки, не ошибся. Крутилась неподалёку тварь, крутилась. Послав запрещающий сигнал, Женька застолбил территорию вокруг будки и, дождавшись подтверждения, помчался по улице.

Засаду он почувствовал уже недалеко от городских ворот. В нос ударил запах немытого человеческого тела попеременно с запахами азарта и страха, а шёпот, которым переговаривались злоумышленники, для парня был не тише обычного разговора. Засада всё-таки есть. И, что делать? Нападать? Опять повеяло волколаком. В мозг прилетел вопрос на атаку и чувство голода. А вот и выход. Женька мыслеобразом уступил «собрату» добычу. В голове буквально полыхнуло благодарностью. Ну, всё. С засадой вопрос решён. Для верности прощупав слухом и обонянием остальную путь, он повернулся и побежал обратно. За спиной раздались крики отчаяния и обречённости. Впрочем, кричали совсем недолго. Волколак знал своё дело туго.

– Всё, – возвращаясь в нормальное состояние, проговорил Женька. – Путь чист.

– Что, засады не было? – поинтересовался Кот, выводя коней из будки.

– Была. Три каких-то придурка. Ими волколак занялся, так что, путь чист.

– Не понял.

– Я в волколачьем состоянии могу с ними общаться. Не словами, конечно, но, вполне понятно. И ещё, они уважают собственность своих братьев, как я понял. Наш волколак был

голоден, но не напал на тебя и наших лошадей, потому, что вы – моя собственность. А на засаду напасть я ему разрешил.

– Чудны дела твои, Господи, пробормотал удивлённо Кот. – Пошли, что ли?

– Пошли.

Как и заверил Женька, путь до города был безопасен. Никто не подстерегал их, только один раз мельком почувствовалось присутствие ещё кого-то, но быстро пропало. Прошли ворота под изумлёнными взглядами охранника. Ещё бы! С этой стороны давно с такой большой добычей не приходили. Интересно, что он завтра скажет?

– А с тобой классно ходить! – проговорил Кот, когда они дома разбирали добычу. – Там же от зверья не продохнуть было. А тут всего лишь стая собак и один волколак. И то, собаки сунулись только из-за жоака. Слишком обнаглевший был. И самонадеянный. За что и поплатился. Без него псины быстро рассосались. А волколак вообще в друзья записался.

– Что мы, хоть, взяли?

– Судя по этикеткам, костюмы спортивные. Что такое «Спортивные», я не знаю, но одежда удобная. Вот эти можно и так носить, а вон те, зимой под одежду одевать. Неплохой товар. А вот это – шапочки. Тоже неплохо. Шарфы, перчатки, носки... Пойдёт. Себе отложим несколько штук каждого наименования, а остальное сдадим перекупщику.

– А почему перекупщику? Почему прямо продавцам на рынке не продать? Мы же в деньгах теряем?

– Ну, во-первых, ни один продавец не в состоянии взять всю партию. Придётся бегать по торговцам и с каждым торговаться. А, во-вторых, существуют чётко определённые правила. Продавцы берут товар только у перекупщиков. Не дай ему Бог работать напрямую с баракольщиками. И товар сожгут и его с рынка выгонят.

– Даже так?

– Ага. Кушать все хотят. Скоро должен подойти один хмырь. Я с ним постоянно работаю. Он и заберёт всё.

– Когда ты успел с ним связаться? Вроде, и не уходил никуда.

– Я и не связывался. Ему от ворот сообщили, что я с добычей вернулся. У перекупщиков охранники прикормлены. Донёс благую весть – получил монеточку. Так что, отбери себе что-нибудь из вещей.

Женька покопался в свёртках и отобрал себе парочку костюмов, носки несколько пар, шапочку и перчатки. Перекупщик, действительно, не заставил себя долго ждать. Даже поесть толком не успели, как кто-то постучался в дверь, и на пороге появился мужичок чрезвычайно серой наружности. Серая одежда, волосы неопределённого цвета, неприметная внешность. Мимо такого пройдёшь и не заметишь даже. Единственная приметная деталь, это быстро бегающие вороватые глазки.

– Приятного аппетита, – церемонно поклонился гость. – Ты, Кот, я слышал, с добычей сегодня.

– Есть маленько, – ответил Кот, отодвигая от себя тарелку. – Познакомься, Крыс, это Женька, мой новый напарник.

Крыс, только кивнул и нетерпеливо потёр руки, больше похожие на крысиные лапки, предчувствуя добычу.

– Так, давай посмотрим! – нетерпеливо проговорил он и облизал губы быстрым движением языка.

Вести торговые дела Женька полностью доверил Коту, а сам вышел в свою комнату, прихватив с собой кружку с чаем, который попробовал только здесь в городе. Напиток сразу ему понравился, и он не упускал случая, чтобы им побаловаться. За стеной раздавались голоса,

когда тихие, когда на повышенных тонах. Неплохо Кот торгуется. Наконец, дверь за гостем закрылась, а довольный напарник зашёл в комнату, жонглируя туго набитыми кошельками.

– Неплохую сделку провели, – довольно проговорил Кот. – Сейчас Крыс на телеге подъедет и заберёт всё.

– Слышал, как вы там торговались. Ты, прямо, насмерть стоял.

– С перекупщиками по-другому нельзя. Зазеваешься, обдерут, как липку.

– Завтра за остальным поедем?

– Да. Знаешь, что я думаю? Надо у Петровича пару лошадей в аренду взять. Вдвое больше за раз увезём.

– А если телегу? Сразу всё загрузим.

– Нет. Так мы все цены на рынке обрушим. Завтра возьмём ещё и пока всё. Всё равно туда вряд ли кто сунется.

– Ну да. Тем более, что там волколак трётся.

– Ну, волколака тоже завалить можно, если группа большая. Против пяти человек он уже не сдюжит. Барахольщики, ведь, тоже не промах. Профессия обязывает. Просто в те места ходить себе дороже. Кому понравится всю дорогу туда и обратно от зверья отбиваться? Завтра нужно будет другой товар присмотреть. Пороемся, поищем.

Вскоре вернулся Крыс с двумя помощниками, которые быстро забрали мешки и закидали их в телегу.

– А теперь можно и в кабак, – довольно произнёс Кот.

Кабак встретил напарников обычным шумом и гомоном. По случаю вечернего времени народу было много, и друзья решили посидеть на террасе. Оба не курили. Котвообще с презрением относился к табаку, а Женька увидел курящих только здесь. У них в деревне и слышать никто об этом не слышал. Усевшись за столик, заказали пива, Кот, по обыкновению, графинчик самогонки, блюдо жареной картошки и жаренную курицу на двоих. Кот ещё под самогонку два солёных огурца потребовал.

– Кот, – проговорил расслабленно Женька, – а когда мы познакомились, ты молочко пил.

– И что? Я люблю молоко. Но это в течение дня. С утра я и от сметанки не откажусь. А вечером, чего покрепче опрокинуть – сам Бог велел. Расслабляет, и спиться лучше. Тем более, что заслужили. Вон, со всех сторон с завистью поглядывают. Не каждому куш обламывается. Бывает, люди неделями шарят по развалинам, да по лесам, чтобы полмешка чего-нибудь принести. А тут – четыре полных мешка. И чего? Одежды! Вообще, вещи, что до Ужаса произведены были, ценятся очень сильно. Особенно одежда. Она уже сгнила вся. Только, вот, в таких блестящих обёртках и сохранилась. И то, если упаковано было хорошо. И, с годами, навар всё скуднее становится. Складов всё меньше нетронутых.

– Сидим, отдыхаем, – пролаяли откуда-то сзади.

Народ в зале притих, и всё внимание оказалось сосредоточено на их столике. Напарники обернулись и увидели Шакала, стоящего между столиками и с ненавистью смотревшего на них.

– Имеем право, – спокойно ответил Кот. – Или, ты в претензии?

– Ничего. Аукнется вам ещё ваша борзость. Ходите и оглядывайтесь теперь. Особенно, за городом.

– Спасибо, что предупредил, – усмехнулся Женька. – Как там ваш хозяин? Не кашляет? Поправляется? Слушай, Шакал, давно спросить хотел, кто ему в туалете задницу подтирает? Кто-нибудь один, или вы все по очереди? График не покажешь?

Последние слова парень говорил уже под дружный хохот посетителей.

– Пожалеешь ещё, – прошипел Шакал и быстро ретировался из кабака.

– Зря ты так, – проговорил Кот. – На выходе могут подкараулить и убить. От них стоит подлости ждать.

– Можно подумать, что мои сегодняшние слова что-то изменили, – небрежно отмахнулся Женька. – Они нам поражения в прошлый раз не простили бы никогда. Поэтому, чем быстрее мы с ними за городскими стенами встретимся, тем быстрее решим эту проблему.

– Наверное, ты прав. В любом случае, теперь в этом городе нам тесно. Кто-то должен уйти, или мы, или люди Борова.

– Пусть уж лучше Боров уходит.

– Сам он не уйдёт.

– А мы поможем. Слушай, вот шериф говорил, что за убийство – смертная казнь. А что же тогда в прошлый раз люди Борова на тебя с ножами бросались?

– Боров, в этом городе, человек известный. Лишний раз и шериф старается с ним не связываться. Если бы меня завалили, он бы выкрутился. Или свалили бы вину на кого-то одного, дали бы ему денег и вывезли куда-нибудь в другой город. Или бы вообще штрафом откупился бы.

– Понятно. Короче, по мелочи нам не интересно. Если противник – то самый сильный? – засмеялся Женька.

– Получается, что так. Только, ещё и подлый.

С утра, сразу после завтрака, вышли на улицу. Катерина сонно чмокнула кота в щёчку и вернулась в дом досматривать сон.

– Ты, Жень, давай к воротам и жди меня. Я к Петровичу.

– Хорошо.

Женька поехал к воротам, где охранник с осоловелыми от недосыпа глазами пытался прикурить самокрутку, чиркая огнивом. Ветер был промозглым и порывистым, и огонь быстро задувало. Парень помог ему прикурить, а сам, достав булочку, испечённую Катериной, принялся жевать.

– Не куришь, что ли? – поинтересовался охранник.

– Нет.

– А я, вот, с малолетства. Сначала ради форса перед дружками да подругами, а потом втянулся, – охраннику было явно скучно и хотелось потрепаться.

– Ну и зря.

– Сам сейчас понимаю, что зря. Сейчас табака много, а весной самая пытка пойдёт. Старый табак заканчиваться будет, а новый ещё не вырастет. Вот и сэкономишь на каждой крошке и на каждой затяжке. Или у деревенских по бешеной цене покупать приходится. Одна морока с этим куревом.

– Это точно. А, что не бросаешь?

– Не. Не могу. Столько лет смолю, что теперь уже даже в гроб с сигаркой. Куда-то собрался, или как?

– Собрался. Сейчас напарника дождусь и поедем.

– Слушай, это не ты новый партнёр Кота?

– Я.

– Ну, ты, брат, даёшь! Борова вырубить дорогого стоит. Да про тебя же весь город говорит!

– Ничего особенного, – разговор начинал тяготить, и Женька принялся более пристально оглядываться в поисках напарника.

Кот появился вскоре, ведя на поводу двух приземистых лошадок. Подъехав к воротам, он передал один из поводов Жене и кивнул охраннику.

– Открывай, ехать надо.

Охранник суетливо метнулся к воротам, снял здоровый засов, и ворота, слегка скрипнув, открылись. Партнёры выехали из города и уверенно направились уже знакомой дорогой.

– Жень, а в человеческом состоянии ты можешь ощущать, например, засаду? – поинтересовался Кот.

– Нет. Разве, только, волколака чую. И то, так, неясно. Словно кто-то за спиной стоит, что ли. А что, боишься, что засада может быть?

– Да нет. Выехали мы очень рано. Вряд ли кто-то знал, что мы сегодня поедем. Мы о наших планах никому не рассказывали. Тот же Петрович только сейчас узнал и сильно удивился.

– Почему?

– Обычно барахольщики две ходки подряд не делают. А тут, только вчера с добычей заявились, уже сегодня с утра опять едем. Да и охранник бы сказал, если бы кто-то раньше нас выехал. А ночевать на развалинах дураков нет. Легче самому из самострела застрелиться.

– И, что переживаешь тогда?

– Боюсь, как бы какие зверюги на нас неожиданно не напали.

– Зверьё мой запах за версту чует и убраться с дороги норовят. Видишь, как лошадки нервничают. Наши-то, как-нибудь, привыкли. А эти, арендованные, боятся. Нет. Не будут звери из засады нападать. Могут найтись такие, что захотят силами померяться. Ну, как вчерашний пёс. Так те открыто выйдут. Подлости не от зверей ждать нужно, а от людей.

– Да уж. Назад ждать могут. Пока доедем, пока товар отберём, мешки набьём да погрузимся, в городе, кому надо, уже знать будут, что мы на выезде. А, учитывая, что мы вчера богатыньки прибыли, два и два быстро сложат. Сразу поймут, что мы не весь товар вчера вывезли. Вот, кто-нибудь, точно губу на наше добро раскатает. Да и людей Борова со счетов скидывать нельзя. Тоже, захотят поквитаться. А стреле из развалин всё равно, что ты в рукопашной всех положить можешь. Воткнётся в шею и поминай, как звали.

– Придётся по вчерашней схеме делать. Сначала я в волколачьем состоянии проверю, а потом и пойдём.

Внезапно опять появилось чувства, что они не одни на улице. Лошади забеспокоились и стали нервно всхрапывать.

– Что там? – спросил Кот, пытаясь успокоить животных.

– Похоже, опять волколак неподалёку.

– И что ему надо?

– Сейчас узнаю.

Женька спрыгнул с коня, передал повод Коту, посоветовав держать крепче, и отошёл подальше. Уже знакомый набор эмоций воспроизводился легко и привычно. В мышцы залилась сила, в нос опять хлынули запахи, а слух стал необычайно чувствительным. И да, неподалёку был волколак.

– Здравствуй, брат, – пронеслось в голове.

А вот этого Женья никак не ожидал. Он привык общаться с монстрами мыслеобразами, поэтому, осмысленные выражения, которыми оперировал волколак, стали, словно гром среди ясного неба.

– Ты всё больше и больше учишься понимать нас, – продолжил монстр. – Зачем ты здесь? Неужели ты привёл мне угощение? Я бы не отказался подкрепиться.

Голодная волна обдала парня. Даже, на секунду испугался, что монстр, не удержавшись бросится на Кота.

– Нет. Со мной мои друзья. На них нельзя нападать.

– Даже эти четвероногие?

– Это мои слуги. Они служат мне, чтобы мне было легче.

– Слуги? Интересно. Но я хочу кушать.

– Я думаю, что скоро здесь появятся мои враги. Они хотят меня убить.

– Твои враги? Почему ты их тогда не убьёшь?

– Они боятся открытого боя и будут нападать по подлому, сзади.

– Ну, это мы ещё посмотрим. Их много?

– Может быть много.

– Тогда я дождусь тебя. Поохотимся вместе, брат.

– Обязательно. Дождись меня.

– Дождусь. Ты идёшь туда, где был вчера?

– Да.

– Осторожно. Вожака псов ты убил и теперь они тебе не опасны. Но туда иногда заходят другие звери. Некоторые могут быть опасны.

Женька вернулся в нормальное состояние, чувствуя, сколько моральных и физических сил он только что потратил. Вытирая пот, обильно выступивший на лбу, он вернулся к напарнику.

– Всё. Можно ехать.

– С тобой всё нормально? – встревожено поинтересовался Кот. – Выглядишь так, что краше в гроб кладут.

– Вымотался. Ничего. Отдохну пока доедем.

– Неужели столько сил требуется для того, чтобы войти в волколачье состояние?

– Нет. Это, как раз, легко. Дело техники. Тяжело разум удержать. Он так и норовит скатиться в дикое состояние, забыть, что я человек и отдаться инстинктам. А там, в этом состоянии, знаешь, как ты вкусно пахнешь? Аж слюнки текут.

– Да уж, – нервно сглотнул Кот, внезапно побледнев. – Ты, это, держи разум то свой.

– Вот и держу.

Уже зная, куда идти, до склада добрались быстро. Пришлось помучаться, заводя в помещение лошадей, но это было просто необходимо. Животных без надзора оставлять на улице было нельзя. Обязательно найдётся голодная тварь, которая захочет полакомиться. Лошади упирались, не желая залезать на крутое крыльцо, поэтому пришлось Женьке даже обратиться на короткое время. Вот тут лошадки рванули без уговоров и тут же влетели в двери. Хорошо заблокировав вход, оставили коней в первой комнате и пошли в то помещение, где находился основной товар. На этот раз у входа решили не задерживаться, хотя там блестящих упаковок было ещё много, а сразу сунулись вглубь.

– Вот это возьмём, – объявил Кот, показывая на обувь, валяющуюся в трухе.

Женька разгрёб труху, которая, скорее всего, когда-то была упаковкой и посмотрел повнимательней. На полках валялись грудой ботинки. Шнурки давно сгнили, зато сама обувь выглядела неплохо. Немного смущала подошва, далеко выступающая за носок. Но это не страшно. Подрезать не проблема. Глянул на этикетку. «Ботинки лыжные». Что это за «лыжные»? А, в прочем, какая разница? Принялся набивать ими мешок. Обуви оказалось много. Два мешка уже были битком, а товара на полках оставалось ещё предостаточно. Рядом Кот набивал свои мешки другой обувью. Лёгкие разноцветные, даже не ботинки, а больше похожие на туфли, они выглядели очень даже привлекательно.

– Думаю, четырёх мешков достаточно, – подытожил Кот. – Пошли дальше посмотрим.

Женька пнул трухлявый ящик и тот рассыпался, вывалив из своих недр гору котелков.

– О! Тоже дело! – обрадовался напарник. – Нагребай в мешок. А я вон в тех ящиках посмотрю.

В ящиках, что поменьше, оказались отличные складные ножи. Вещь нужная и по нынешним временам дорогая. Там, кроме лезвия, были ещё ложка, вилка, шило и какие-то непонятные приспособления. Тоже, набрали полный мешок. А в оставшиеся два напихали блестящие упаковки с носками. Вот, чего никогда много не будет. И спросом пользуются. Выволокли груз на улицу и, уже, собрались вернуться за лошадками, когда с неба раздался пронзитель-

ный крик, мелькнула тень, потом ещё одна, сверху на мешок свалился крылан, упёрся своими перепончатыми крыльями и свирепо зарычал. А здоровый. С собаку будет. Второй зацепился за навес и попытался зубами дотянуться до Женьки. Парень схватил его за кожистое крыло и швырнул об стенку. Первого подстрелил Кот из маленького самострела.

– Ещё крыланов тут не хватало, – проворчал напарник, выдёргивая стрелку из ещё трепыхающегося зверя.

– Чуть на голову не упали, – согласился Женька. – Повезло, что промахнулись.

Вывели лошадей, загрузили и пошли к городу. Уже почти вышли из опасного района, когда стая собак выскочила из полуразвалившегося дома и сразу развернулась полукольцом. Привычно, выйдя вперёд, Женька стал входить в волколачье состояние. Истошно завизжали лошади сзади, заматерился Кот, пытаясь их удержать, а собаки занервничали, остановились в растерянности и стали отходить. Парень низко, утробно рыкнул, глядя на псов сквозь розовую пелену, и пошёл вперёд. Собаки заскулили и бросились врассыпную.

Внезапно на Женьку нахлынуло чувство безысходности и почти ощутимой боли.

– Всё, брат, – пронеслось у него в голове. – Закончилась моя охота. Сюда не ходи. Опасно. Тут вас ждали.

– Держись, брат, – так же мысленно произнёс Женя и уже вслух Коту – Придержи пока коней, я сейчас приду.

Уже отойдя подальше, он стал максимально погружаться в волколачье состояние. Розовый цвет в глазах усилился, слух обострился, а обоняние захлестнула волна запахов. Женька рыкнул от удовольствия, чувствуя, как тело наливается животной силой, пригнулся и побежал. Голоса, доносящиеся из окна одного из зданий, он услышал ещё издали, перешёл на шаг и стал двигаться осторожнее. Заскочил в дом напротив, быстро забежал внутрь и выглянул из окна. Обострившееся зрение позволило без проблем рассмотреть всё, что творилось в доме через дорогу, несмотря на полумрак, царивший в комнате.

Волколак лежал у стены, пробитый в нескольких местах стрелами. Четыре разорванных тела валялись рядом с ним. А у противоположной стены стояли три мужика и целились в ещё шевелящегося монстра. Вот один выстрелил ещё раз, и стрела воткнулась в левый бок. Волколак слабо зарычал. Женя почти физически ощутил боль от новой раны. Он выбрался из окна, подобрался к стене, цепляясь за выступы, поднялся на второй этаж, пройдя помещения насквозь, вышел к лестнице и спустился вниз.

Когда он вихрем ворвался в комнату, никто из тех троих даже сообразить ничего не успел. Всего пара секунд и ни одного живого противника. Только трупы с переломанными шеями.

– Ты как, брат?

– Нормально. Ты вовремя. Помоги вытащить эти железки.

Женька подошёл к волколаку и начал выдёргивать стрелы из ран. Временами монстр порывался от боли, но в целом перенёс процедуру стойко.

– Зря ты полез против них один. Мы же договаривались поохотиться вместе.

– Думал, что справлюсь. Эти трое появились неожиданно. Я их не видел, пока они не выстрелили в меня.

– Как ты мог их не заметить?

– Среди них был мутант, который смог замаскировать и себя и ещё двоих. На остальных его умения уже не хватило. И ещё: они тебя ждали.

– Почему ты так решил?

– У них в голове был ты и твой друг. Я видел. И они были в курсе твоих способностей.

Поэтому и старались маскироваться.

– Что теперь с тобой будет?

– Всё будет хорошо. Я поправлюсь. Нас не так-то просто убить. Вот, если бы ты не успел, тогда было бы плохо. Они бы меня добились. Я не забуду того, что ты пришёл мне на помощь. А, сейчас, иди. Мне поесть нужно.

Женя выпрыгнул из окна и вернулся к Коту.

– Что случилось? – поинтересовался напарник.

– Ждали нас.

– Кто?

– Я их не знаю. Семеро. Четверых волколак успел порвать, пока они его не подстрелили.

Троих уже я.

– А волколак?

– Живой. Сказал, что всё будет хорошо.

– Это, выходит, ты спас его?

– Ну, сначала, он нас спас. Засаду обнаружил и попытался её уничтожить.

– Никогда не думал, что у меня будет в союзниках волколак.

– Я, кстати, тоже почти такой же.

– Ага, – засмеялся Кот. – И напарник полумонстр. Ну, это не страшно. Я сам мутант.

Вскоре, показались городские ворота. Охранник шустро открыл створки и с удивлением наблюдал за караваном товаров, заходящим в город. Между домами мелькнул Шакал.

– Видел? – обернулся Кот.

– Шакала-то? Видел.

– Такое впечатление, что он дожидался кого-то и очень удивился, увидев нас. Как бы засада не его работа.

– Скорее всего его.

Всю неделю напарники предавались безделью. Отдыхали, гуляли по городу, по вечерам ходили в трактир.

– Что-то засиделись мы, – проговорил как-то вечером Женька, потягивая пиво.

– А что тебя не устраивает? Отдыхай, себе. Денег на последнем складе мы заработали много.

– Да не привык я бездельничать. В деревне, порой, и присесть некогда за целый день.

– И что ты предлагаешь?

– Сходить бы куда-нибудь. Помнится, ты про склад говорил. Ну, тот, что в лесу где-то.

– Это где моего напарника шатун задрал?

– Да.

– Далековато. Но, пройтись стоит. А знаешь, какая мечта любого барахольщика?

– Какая?

– Ходит такая, то ли легенда, то ли быль, что где-то в лесах есть склад особенный. Ещё до Ужаса, якобы, построили под землёй целый город. И заполнили его всем самым необходимым. Чего только там нет. И еды всякой выше крыши, и товаров всяких. Оружие старое, которое огнём стреляет и машины даже. Всё новенькое и целое.

– Непонятно. Зачем кому-то было свозить всё в одно место и прятать под землю?

– Люди готовились к войне. К очень страшной войне. Вот, на этот случай и создавали такие склады. Один из них где-то неподалёку.

– И что, никак нельзя узнать, где он?

– Никак.

– А в архиве покопаться?

– Такие данные уже тогда под большим секретом были. А теперь уже и подавно концов не найти.

– Ну, тогда, остаётся признать, что всё это не более, чем красивая легенда и выкинуть из головы.

– Не скажи. Мечта всегда должна быть.

– Может быть. Ну, так что? Когда выходим?

– Послезавтра. Завтра готовиться будем. Путь не близкий. Надо и еды в дорогу приготовить, да и экипировка должна быть посерьёзней.

Посидели ещё немного, молча потягивая пиво. Кот сегодня решил обойтись без привычной самогонки. Женька поставил полупустую кружку на стол и, вдруг, напрягся.

– Что? – встревожился напарник.

– Шакал.

– Где?

– Сюда идёт.

Кот нарочито вальяжно обернулся и почесал шею выпущенным когтем.

– Чем обязаны? – невинным голосом поинтересовался он.

– Боров почти поправился, – пролаял Шакал.

– Мы очень рады это слышать.

– Вот, теперь, бойтесь. А за воротами оглядывайтесь ежесекундно. Он вас уже приговорил.

– Тем хуже для него. Но, всё равно, мы за него рады.

Шакал скрипнул зубами, резко развернулся и ушёл.

– Скверная новость, – приняв серьёзный вид, проговорил Женька.

– Да уж. Сомневаюсь, конечно, что Боров восстановился до конца. Но то, что у него всё восстанавливается быстро, это давно известно. Они без главаря особо за город не совались. А вот с главарём пойдут. И будут нас там караулить.

– А, может, самим на них засаду сделать, да и завалить Борова?

– Не получится. Они большой толпой ходят. Нам, двоим, не справиться. Даже если нападём внезапно. Расстреляют из самострелов на расстоянии и все дела.

Лагерь просыпался. Заспанные соплеменники вылезали из лёгких переносных шатров, построенных из жердей и шкур животных, и потягивались. Уже зажглись первые костры, и потянуло запахом разогревающейся зайчатины. Лось вышел на улицу и окинул взглядом лагерь. Вчера в племя влился ещё один род. А это значит, что племя усиливается. Сегодня должны прийти гонцы из-за реки. Там несколько родов живут. Если они присоединятся к нему, сил будет вполне достаточно, чтобы взять приступом город. Город. Какое лакомое слово. А сколько там всего хорошего! Эти городские, как сыр в масле катаются. Живут тихо, спокойно, всё имеют. А его племени приходится кочевать с места на место, чтобы найти пропитание. Но, ничего. Скоро придут они. Те, кого городские называют пренебрежительно дикими людьми.

– Зуб! – позвал Лось.

Щуплый вертлявый Зуб подскочил сбоку и вопросительно цыкнул.

– Гонцы из-за реки не появлялись?

– Нет ещё.

– Как придут, сразу ко мне. А пока, пусть пожрать принесут.

Зуб умчался, и, вскоре, Белка занесла чашку ароматной и наваристой заячьей похлёбки. Совсем плохо в этих краях со зверьём стало. Вот, только, зайцы ещё ловятся. Да и их уже мало. Крестьянские хозяйства разорили ещё в первые дни, как пришли сюда. Вот тогда сытно было. И говядина, и свинина, и курятина. Жрали, как говорится, от пуза. Казалось, всегда так будет. Ан, нет. Кончилось раздолье. Нужно двигаться дальше. Да только город покоя не давал. Так и манил своими богатствами. Вот и вертелся Лось со своим племенем по окрестностям. И на город напасть сил маловато пока, и отходить не хочется. Впереди холода. А зиму лучше в

капитальных домах пересидеть. Тем более, что у городских еды полно. Можно с комфортом перезимовать.

Соплеменники уже роптать начали. Времена настали голодные. Надо дальше идти. Туда, где добыча есть, где сытнее. А Лось тянул. Тянул и собирал силу, агитируя разрозненные кочевые роды таких же дикарей. Вожак сидел в шатре и слушал, как по лагерю с гиканьем носились на лошадях его воины. Вот его сила! Та сила, которая проломит ненавистные стены, выбьет ворота и ворвётся в город, круша всё на своём пути.

После сытной похлёбки опять захотелось спать. Лось откинулся на шкуры и задремал. Разговоры за стенкой шатра, визг детей и топот коней несколько не мешали. Его разбудил Зуб, осторожно потряхивая за плечо.

– Что такое? – недовольно прокряхтел Лось.

– Гонцы пришли.

– Зови.

Гонцы робко зашли в шатёр, тут же сдёрнув с голов меховые треугольные шапки.

– Как сходили?

– К нам готовы присоединиться шесть родов, – доложил старший. – Это три раза по две руки. Из них мужчин три руки и ещё два пальца.

– Отлично. Кто не присоединился?

– Один род. Они у реки сидят.

– Зуб! – закричал Лось.

– Что?

– Барсука позови.

– Сейчас.

Барсук, лучший воин племени, пришёл минуты через три, степенно, осознавая свою нужность, перешагнул через порог и слегка наклонил голову.

– Что звал, Лось?

– Возьми своих людей и езжай за реку. Вот он покажет. Там род не захотел к нам присоединиться. Выжечь там всё.

Высокий, широкоплечий кочевник молча кивнул и вышел из шатра. Старший гонцов вышел следом. Почти сразу раздался зычный голос Барсука, созывающий своих бойцов, а потом удаляющийся конский топот оповестил о том, что отряд ускакал. Лось ещё немного полежал на шкурах, но сон не шёл. Мимолётная злость на отступников взбодрила. Он поднялся, прошёлся по шатру и вышел на улицу. Лагерь жил своей жизнью. Бегали дети, хлопотали у очагов женщины и мужчины степенно занимались своими делами, или, просто, откровенно бездельничали. Количество народа радовало. На краю лагеря, вдруг, возникло оживление. Дети, забыв про игры, бросились туда. Только пятки засверкали.

– Что там? – поинтересовался Лось у крутящегося неподалёку Зуба.

– Новые роды приходят. Те, которых гонцы сагитировали.

А вот это хорошо. Лось довольно усмехнулся и расправил пятернёй бороду. Над лесом со стороны реки поднялись дымы пожарищ. Это непокорные познали силу нового хозяина этих мест.

Крики, конский топот и гиканье разбудили рано утром. Практически, ночь ещё не отступила толком. Разве, темнота стала прозрачней, и звёзды уже слегка потускнели. Выскочив на крыльцо, напарники увидели отблески пожаров. По улицам метались люди, крича от страха и отчаяния.

– Что случилось? – не понял Женька.

– На город напали! Быстро собирайся. Катя! Одевайся. Уходим!

Самим барахольщикам собираться особо не надо было. И так они должны были выходить, так что всё было собрано с вечера. А вот Катерине нужно было помочь. Быстро покидали всё необходимое в большую котомку.

– Лошадей не берём, – скомандовал Кот. – На них мы заметнее. Огородами уходим в сторону развалин.

Наконец, всё было собрано, забежали за угол дома, и Кот ударом ноги выбил из забора несколько досок.

– Лезьте быстрее.

Дождавшись, когда Катерина и Женька юркнули в дыру, полез следом. Уже пробегая через соседский огород, увидели, как полыхнул их дом. Жалко. Всё-таки уютное было гнёздышко, но тут свои жизни бы сохранить. Бегом перебежали улицу и нырнули в следующий двор. По улице проскакали несколько всадников, размахивая факелами.

– Кто это? – задыхаясь, поинтересовался жена.

– Дикари.

– Что за дикари?

– Кочевые племена. Раньше они не рисковали нападать на города. Только крестьян грабили. Видать, в силу вошли.

– И что теперь?

– А что теперь? Раз в город ворвались, всё. Город погиб. Проспала охрана на воротах.

Пробив дыру в очередном заборе, прошли ещё один огород. Впереди опять оказалась улица, по которой несколько конных дикарей гнали испуганную толпу горожан. Переждали и перемахнули улицу. Стало светлее, только непонятно, то ли от пожаров, то ли от того, что утро потихоньку вступало в свои права. Катя тихонько скулила, украдкой размазывая по лицу слёзы. Оно и понятно. Для женщины дом гораздо больше значит, чем для мужика. Особенно, если этот мужик – барахольщик.

Наконец, показались ворота. Охраны не было, воротины нараспашку, а возле помещения дежурной смены гарцует дикарь, размахивая саблей. Женька вскинул самострел и с одной стрелы сбил с лошади захватчика.

– Стрелу подбери! – пробегая мимо, прокричал Кот. – Сейчас каждая стрела на вес золота будет.

Не останавливаясь, Женька выдернул стрелу из трупа и побежал следом. Выскочив за ворота, сразу рванули вправо и укрылись в одном из домов.

– Вот тут и пересидим пока, – Кот плюхнулся на грязный пол. – Потом дальше будем уходить.

– Куда?

– Город обойдём и в лес. Там решим, куда идти.

– Можно деревеньку поискать какую-нибудь. Типа той, в которой я жил, когда меня из общины турнули.

– Там посмотрим. Нужно на север уходить.

За окном раздался топот. Осторожно выглянули в окно и увидели группу всадников, выехавшую из города. Дикари проехали немного, потом остановились, нерешительно покрутились на месте и вернулись назад.

– Не лезут в развалины, – проговорил Кот. – Боятся. Неуютно им здесь.

Решили, пока, немного отдохнуть. Женьке, даже, вздремнуть получилось. Потом Катерина приготовила завтрак, перекусили и пошли дальше. По улице идти не рискнули. Лучше продираться через заросшие кустами дворы. Безопаснее, по крайней мере. Опять вышли к центральной улице спустя два квартала.

– Слушай, Кот, – поинтересовался Женька, – а что это мы к центральной улице жмёмся?

– Легче ситуацию контролировать. Кто знает, куда ещё эти дикари полезут. Не хватало ещё, чтобы они нам на головы свалились.

Солнце уже миновало зенит, когда вдали опять послышался цокот копыт. Отряд из десяти человек во главе с косматым широкоплечим дикарём проскакал мимо, словно выискивая кого-то.

– Вот разъездились! – возмутился Женька. – И что им в городе не сидится?

– Проверяют, можно ли ещё здесь, чем поживиться. Ничего. Пошастают и убедятся, что ловить нечего. А, если, ещё на зверьё нарвутся, вообще дорогу сюда забудут.

Словно в подтверждение его слов, вдали раздался собачий лай. Дикарям бы сразу ретироваться, но они, видимо, решили показать свою молодецкую удаль. Тишина разорвалась ржанием лошадей, криками, рычанием и лаем собак, скулежом, шум схватки продолжался минут пятнадцать, после чего назад на полном скаку промчались четыре потрёпанных всадника, нещадно погоняющие своих коней.

– Ага, – удовлетворённо заключил Кот. – Получили? Хоть на что-то собаки сгодились. Ох, как не люблю я собак!

Присутствие волколака Женька почувствовал сразу. До конца обращаться уже не требовалось. Слегка погрузившись в нужное состояние, всего до слегка розового оттенка в глазах, он вышел из комнаты и спустился во двор.

– Привет, брат. Вижу, ты поправился.

– Да, брат. Уже всё в порядке. Я рад тебя видеть.

– Я тоже.

– У вас, я вижу, дела не очень хороши.

– Да. На наш дом напали.

– Что делать собираешься?

– Будем уходить в леса.

– Я с тобой.

– Хорошо. В случае чего, помощь не помешает.

– Иди к своим. Я рядом буду. Присмотрю, чтобы у вас незваных гостей не было.

– Что, волколак приходил? – поинтересовался Кот, когда Женька вернулся.

– Да. Сейчас нас охраняет.

– С чего бы это?

– Он же меня братом считает. Тем более, что я ему жизнь спас. С нами идти хочет.

– Кто? – округлила глаза Катерина. – Волколак? Да я со страху помру.

– Ну, не стоит так пугаться, – стал успокаивать жену Кот. – Он наш союзник. Так что не тронет.

– Да я спать теперь не смогу.

– Ничего. Привыкнешь. Ты Женьку не видела, когда он обращается. Тоже зрелище ещё то. А нам такой союзник не помешает. Тем более, в лесу.

Татьяна спала, когда случился весь этот кошмар. Внезапные крики, гиканье, маты и отблески огня от пожарищ на улице буквально выдернули девушку из постели. Ещё ничего толком не поняв, она быстро оделась и нырнула в подпол. А наверху вакханалия только началась. Крики усилились. Кто-то ворвался в дом и прошёлся по комнатам, бухая своими сапожищами прямо у неё над головой. «Только бы не подожгли» – молилась она, понимая, что в этом случае будет обречена.

Сколько она просидела в подполе, позже вспомнить она так и не смогла. Просто находилась в оцепенении, слушая звуки избиений и радостные крики захватчиков, проникающие сюда через небольшое вентиляционное отверстие. Дикари нашли её тогда, когда заняли дом для жилья и стали осматривать его на предмет поживы. Один из них спустился вниз, оцени-

вающе оглядел полки с соленьями и другими продуктами, подошёл к коробу с картошкой и увидел Таню, прячущуюся в уголке. Довольно улыбаясь, он крепко схватил её за руку и потащил наверх.

– Смотрите, какая добавка к трофеям, – самодовольно заявил дикарь, швырнув девушку на середину комнаты.

– Разве ты не знаешь, что всех пленных приказано стогнать к каменному зданию в центре? – поинтересовался мужик средних лет с жиденькой козлиной бородёнкой и кошачьими жёлтыми глазами.

– Пригоним. Но для начала побалуемся.

– Я тебе побалуюсь! – в комнату разъярённой фурией влетела дикарка, видимо услышавшая последние слова, и с ходу набросилась на дикаря, мутузя его тряпкой, бывшей до этого в руке. – Мало тебе меня? На сторону всё смотришь? Не посмотрю, что ты воин, быстро всё поотрезаю!

– Правильно, Сойка, – одобрительно прогудел мужик. – Так его. Не хватало ещё нам всем перед Лосем отвечать.

– Да за что отвечать-то? – удивился молодой.

– А если она ему приглянется? Девка, вон какая справная. А тут выяснится, что ты её попользовал. Что Лось на это скажет?

– Ладно. Твоя правда. Пойду, отведу её к остальным.

По-хозяйски накинув Танюшке на шею верёвочную петлю, он отодвинул дикарку и повёл девушку, словно собаку на ошейнике на улицу. Таня послушно шла следом, не веря, что такое могло с ней произойти. Страх и ужас происходящего вкупе с неизвестностью будущего до конца сломали её волю. Она ступала за, постоянно с кем-то здоровающимся, дикарём по знакомым с детства улицам теперь уже совсем не знакомого ей города. Повсюду сновали новые жители, что-то перетаскивали из дома в дом, жгли костры во дворах или обменивались трофеями. Пленные мужчины, избитые, или с лёгкими ранениями, уже работали на улице, убирая трупы или растаскивая пожарища.

К зданию мэрии подошли минут через десять. Татьяна с ужасом смотрела на, болтающихся в петле, мэра и шерифа. Их посиневшие лица и прикушенные фиолетовые языки приковывали взгляд и не давали отвести глаза. В себя привёл только рывок верёвки. Девушка вышла из ступора и оглянулась. Площадь перед мэрией уже была убрана. В стороне возвышалась гора трупов, а здоровенный дикарь в медвежьей безрукавке орал на группу, видимо, подчинённых.

– Тупые сволочи! Вы что творите, скоты? Я вам этот город на блюдечке преподнёс. Кто разрешил дома жечь? Вы где зимовать собрались? На пепелищах? А сколько добра и продуктов сгорело! Неужели нельзя своими тупыми мозгами додуматься, что этот город мы для себя взяли? Что хотел? – наконец заметил он дикаря с девушкой.

– Я вот, это, пленная, короче, – испуганно проблеял парень.

– Почему раньше не привёл?

– Пряталась. Только нашли.

– В сарай к остальным, – мазнул небрежно взглядом по Татьяне вожак. – Потом разберёмся. Свободен.

Парень потащил Таню за угол здания во внутренний дворик, горестно вздыхая.

– Кто же знал, что ему не до тебя? Эх, знать бы заранее, поигрался бы с тобой. А всё этот Филин: «Нельзя. Лось накажет». Повезло тебе, короче.

У сарая их остановил молодой воин с саблей и, узнав, зачем пришли, открыл дверь сарая.

– Заходи. Там скучно не будет, – и сам захохотал от своей плоской шутки.

Девушка переступила порог, вздрогнула от звука захлопнувшейся двери и замерла в нерешительности. В темноте ворочались, вздыхали, стонали, плакали и жаловались на жизнь множество женщин. Спёртый воздух сдавил горло и захотелось плакать.

– Что у порога топчешься? – послышался голос уже немолодой женщины. – Проходи вон туда. Там место есть свободное.

Глаза уже стали привыкать к полумраку и девушка несмело и осторожно стала продвигаться к дальнему углу, куда ей указали. Женщин было больше двадцати, разных возрастов и, на удивление, ни одной знакомой. Татьяна села на клок соломы, закрыла глаза и попыталась привести мысли в порядок. Она попала. И попала сильно. Чего ждать от захватчиков? Для чего вообще пленные? Для работ, конечно. Будут гонять на различные работы. Это, с одной стороны, хорошо. Может, выдастся шанс убежать. Хуже, если их планируют использовать в качестве сексуальных рабынь. Всё-таки женщины. Не всех, конечно, но молодых и привлекательных могут. Танька считала себя именно такой, поэтому не на шутку встревожилась. Что делать?

Так. Во-первых, взять себя в руки. Паника делу не поможет. Значит, нужно действовать. Девушка набрала в ладони пыль с земли и взбила свои волосы в грязный колтун. Потом постаралась максимально испачкать лицо. Сработает или не, неизвестно, но всё-таки, что-то отталкивающее в её облике точно появилось. Осталось сутулиться и немного прихрамывать при ходьбе. Сильно нельзя, а то ещё пристрелят, как бесполезную, а лёгкая хромота не мешает.

Хотелось кушать и пить. У входа стояла бочка с висящей на вбитом гвоздике кружкой. Татьяна подошла поближе. Так и есть. Вода. Зачерпнула пахнущёю тиной жидкость и выпила. Потом ещё немного вылила на руки и провела ими по лицу. Теперь хорошо. Вода смешалась с пылью, скоро просохнет, а на лице останутся грязные разводы. То, что надо. Да вечера их так никто и не тронул. Только закинули в сарай корзину лепёшек и всё. Достался только небольшой кусочек, который, казалось, не только не унял голод, ещё больше его раззадорил. Девушка вздохнула тоскливо и стала моститься на клочке соломы, чтобы поспать.

Через заброшенный город пробирались долго, и, только, к вечеру второго дня вышли на окраину. Всю дорогу по пятам летело несколько крыланов, но нападать не решались, чуя поблизости волколака. В одном из крайних домов решили переночевать, а, уже с утра, идти в лес. Монстр привычно разместился во дворе, а Катюха, Кот и Женька устроились в доме.

– Еды осталось только поужинать и завтра на завтрак слегка перекусить, – «обрадовала» Катерина, собирая на стол.

– Значит, завтра нужно будет поохотиться, – отозвался муж.

– А схожу я сейчас в лес, силки расставлю, – предложил Женька.

– После ужина сходишь, – согласился Кот. – А ты умеешь?

– Я же в деревне вырос. У нас все умеют. Каждую осень заготовки на зиму делаем.

– С монстром пойдёшь?

– Да. С ним спокойней будет. Не придётся самому обращаться.

– Не хочешь?

– Не в том дело. Если я в волколачьем состоянии силок поставлю, к нему ни один ушастый близко не подойдёт. А так, монстр подстрахует издалека.

Женька быстро поел и вышел из дома. Привычный набор эмоций, лёгкая розоватость в глазах и опять возможность диалога.

– Куда-то собрался, брат?

– Еда заканчивается. Надо поохотиться.

– Охоту я люблю.

– Это не та охота. Ловушки хочу поставить. А утром соберу тех, кто туда попадётся.

– А я тебе, зачем, тогда?

– Подстрахуешь. Я обращаться не буду.

– Хорошо. Я пойду с тобой.

Вышли со двора, преодолели поле и углубились в лес. В темноте двигаться было тяжело, но обращаться действительно не стоило. Часа за два установил все заготовленные силки и вернулся домой. Катерина уже спала. Кот впустил Женьку внутрь и закрыл за ним дверь.

– Как сходил? – поинтересовался он шепотом.

– Тяжко. В лесу непросто по темноте лазить. Но, кое-что поставил. Завтра результат увидим.

– Ладно, давай спать.

Ночь прошла спокойно. От осознания того, что находятся под надёжной охраной, спалось хорошо и выспались замечательно. С утра, позавтракав, Женька опять рванул в лес. Вот тут и выяснилось, что в темноте силки поставлены как попало. Правда, пара ушастых, всё же, умудрилась попасться. С трофеями в приподнятом настроении он возвращался из леса, когда перед ним вдруг выросла серая фигура волколака.

– Что случилось, – спросил он, дождавшись розового цвета в глазах.

– Тебе нельзя туда.

– Почему?

– Там враг.

– Там мои друзья.

– Я чувствую врага.

– Тем более мне нужно туда. Мои друзья в опасности. Ты мне поможешь?

– Это не мои друзья.

– Тогда, я сам.

Мышцы, уже привычно, налились приятной силой, все чувства многократно усилились, в носшибануло запахом конского пота, послышалось фырчание лошадей и человеческие голоса.

– Где этот сопляк? – голос Борова можно было отличить из тысячи.

– Не знаю, – тихо проговорил Кот. – Мы с женой без него уходили из города.

– Что ты врешь? Он был с вами.

– Да что с ним говорить? – Шакал буквально захлёбывался от возбуждения. – Давай я его женой займусь. Быстро заговорит.

Женька осторожно пробрался к забору. Первыми его почувствовали лошади. Животные бешено заржали и рванулись, таща за собой ничего не понимающих людей. Ускорившись до состояния размазанного силуэта, парень вихрем ворвался во двор, разбрасывая тела, словно тряпичные куклы. Несколько стрел ударили в спину и отлетели, наткнувшись на железные пластины, вшитые в куртку. Развернувшись в сторону противника, Женька увидел, как отлетает в сторону самострел, а стрелок, пытаясь зажать фонтанирующее кровью горло, оседает на землю. Ещё один, разорванный пополам, упал в пыль, и ещё один. Волколак не бросил брата. Понимая, что во дворе ему делать уже нечего, парень рванул в дом и наткнулся на испуганные взгляды Кота и Катерины.

– Где они? – прорычал Женька.

– В окно сбежали, – ответил напарник. Как увидели, что во дворе творится, сразу в окно сиганули.

– И Боров? – удивился парень, возвращаясь в нормальное состояние. – Как он в окно протиснулся?

– Проскочил, как миленький. Жить захочешь, проскочишь, – нервно хохотнул Кот.

То, что Боров с Шакалом ушли, конечно, огорчало. Но, хоть напарник с женой живы, и то хорошо. Задерживаться в этом месте было опасно. Кот был уверен, что Женька с волколаком уничтожили не всю банду своего заклятого врага. Остальные были где-то неподалёку. Поэтому Женька быстро освежевал ушастых, присолил их на скорую руку, и они спешно двинулись в лес. Борова нужно было найти. Или он опять найдёт их. Вопрос нужно было решать кардинально.

С самого утра дикари вывели всех на работу. Поручили разбирать завалы недалеко от ворот. Татьяна таскала обгорелые головёшки, а лес за воротами тянул, словно магнитом. Нужно бежать. Но как? Если бы были только эти двое, что охраняют пленных, можно было бы попытаться. Только, за воротами постоянно гарцуют четверо конных. Мигом в капусту нашинкуют. И сабли у них на остроту проверять как-то не хотелось. Подошёл ещё один дикарь и забрал трёх женщин постарше на кухню. Они теперь будут кухарками для пленных. Многие с завистью смотрели на счастливиц. Однако Татьяна не завидовала ни капли. Тут, хоть, возможность может появиться бежать, а с кухни не убежишь.

В обед прикатали бочку с похлёбкой из картофельных очисток. Хоть и гадость редкостная, но горячее впервые за два дня пошло на «Ура». Даже сил прибавилось. Единственное, чего не хватало, это бани. Грязный колтун на голове чесался немилосердно, а грязь вместе с сажей, казалось, насмерть въелась в тело. К вечеру руки словно налились чугуном, а ноги уже не держали. Ещё расстраивало, что возможности для побега так и не представилось.

На ужин накормили уже получше. По крайней мере, среди очисток стали попадаться кусочки сала. Уже за едой стало клонить в сон, поэтому, только поев, сразу улеглась спать. Сил не было даже на слёзы. Да и слезами горю не поможешь. Утро началось, как обычно. Получили корзину плохо пропеченных лепёшек, поели, запивая холодной водой, и унылой толпой отправились на разборку завалов. На этот раз завал был подальше от ворот. До самого обеда таскали обгорелые брёвна и укладывали их в ряд вдоль улицы.

После обеда подъехал на телеге один из дикарей, приказал грузить брёвна покороче, потом отобрал Таню и ещё троих девушек, усадил их сверху на брёвна и тронул кобылу. Настроение совсем упало. Мало того, что сегодня работали ещё дальше от вождельённого леса, да ещё и везут теперь неизвестно куда. Заехали на какой-то двор, погрузили двуручную пилу и два топора. Татьяна вертела головой, ничего не понимая. Дикарь тоже особо красноречием не отличался, только покрикивал и матерился сквозь зубы. Наконец, снова поехали. Девушка с бьющимся сердцем наблюдала, как телега всё ближе и ближе приближается к воротам. Вот уже выехали за территорию города и остановились возле баррикады на дороге. Раньше баррикады не было. Видать, дикари по-своему понимают охрану въезда. Телега остановилась.

– А ну вылазь! – скомандовал ездовой. – Брёвна сгружаете здесь. Двое пилят, двое рубят. Поленицу вот тут под навесом делаете. Всё понятно?

– Понятно, – нестройно ответили девушки.

– Ну, раз понятно, начинайте. Чтобы к вечеру дрова все заготовили. Охране ночью нужно костёр поддерживать.

Телега уехала, а девушки приступили к работе под язвительные насмешки охраны баррикады. Пара конников покрутилась тут же и ускакала, куда-то вперёд, отчаянно пыля. Татьяна подождала, когда охрана привыкнет к работающим неподалёку женщинам и перестанет обращать на них внимание, потом, перехватив поудобнее топор, скатилась в ров, проползла до кустов, а оттуда, что есть силы, рванула к лесу. Дикари опомнились, когда она уже выскочила на опушку, заорали, засвистели и бросились за ней. Несколько стрел пролетело над головой, одна воткнулась в дерево на уровне глаз, но Таня уже нырнула в густой подлесок.

«Только бы получилось» – билось у неё в голове, когда она, лавируя между стволов, всё больше углублялась в лес. Сзади раздавались голоса. Дикари преследовали её, и их никак не удавалось сбить со следа. Ну конечно, они привыкли жить по лесам. Тут они как дома. Девушка металась из стороны в сторону, продиралась сквозь густой кустарник, но преследователи держались, как приклеенные.

Татьяна, выбившись из сил, села под деревом на поляне и горько заплакала. «Всё» – пронеслось у неё в голове. Словно в подтверждение этих мыслей, на поляну выбежали несколько дикарей и обрадовано загомонили. Девушка прикрыла глаза, разочарованно вздохнула, опять посмотрела на своих преследователей и вскрикнула от неожиданности. За эту долю секунды

ситуация поменялась кардинально. Дикари медленно оседали, истыканные стрелами, а на поляну выходили мужики, которых она раньше точно где-то видела. Особенно вот этого, здорового и толстого. Да и этого, с острыми ушами, покрытыми мехом и вытянутой клыкастой мордой – тоже.

– Что, испугалась, красавица? – поинтересовался клыкастый.

– Ага, – мотнула головой Таня, ещё не зная, радоваться ей неожиданному спасению, или нет.

– С нами пойдёшь, – прорычал здоровый и опять шагнул в заросли.

Клыкастый мягко, но настойчиво отобрал у девушки топор и толкнул её в спину, принуждая двигаться. Ей ничего не оставалось, как подчиниться. Похоже, опять попала. Как говорится, из огня, да в полымя. Шли недолго. Минут через пять открылась довольно уютная поляна, на которой были построены несколько шалашей, рядом протекал ручей, а в оборудованном в земле очаге весело плясал огонь, потрескивая сучьями.

Щуплый остроносый мужичок при появлении группы тут же засуетился, подстелил лапник под объёмный зад здорового и протянул ему кружку с чаем. Татьяна нерешительно потопталась и тоже под села к огню.

– Короче, Шакал, – прорычал здоровый, – мне этот сопляк нужен живым. Я сам его рвать буду.

– Да как мы его тебе живым доставим, Боров? – проскулил клыкастый. – Видел, что он творит? Может, на расстоянии из самострелов?

– Живым, я сказал! Я ему за всё отомщу. За все унижения.

Татьяна всё больше убеждалась, что и отсюда надо уходить. Но как? Она поднялась на ноги.

– Куда? – рыкнул Боров.

– Воды попою.

– Не шали. Сегодня со мной спать будешь.

Последние слова придали уверенности. Неспешным шагом она прошла к ручью, наклонилась, зачерпнула пригоршню ледяной влаги и, вдруг, словно распрямлённая пружина, рванула в чашу. За спиной раздались удивлённые возгласы, которые перекрыл свирепый рык Борова:

– Догнать! Сегодня ночью она должна быть в моей постели!

Оставив Кота с женой далеко за спиной, Женька с волколаком рыскали по лесу. Поначалу было легко. След чувствовался очень хорошо, но после речки как отрезало. Словно в воздухе растворились. Парень почти полностью погрузился в волколачье состояние, чувствуя запахи даже прелого сена из заброшенного сарая на лесной опушке. Уши ясно различали, как грызёт орех белка на дальней сосне, бежит ушастый через бурелом километрах в двух. А вот Борова ни видать и ни слышать. Женька уже хотел прекратить поиски, когда вдали раздался рык. Ну, его ни с чем не спутаешь. Боров! Обменявшись сигналами, двинулись на звук. Треск веток и сучьев под ногами говорил о том, что кто-то бежит и, скорее всего, убегает.

– Не спеши, – пронеслось в голове. – Кто-то слева выходит. Я встречу.

Женя притормозил и затаился в кустах. Между деревьев показался силуэт,двигающийся необычайно быстро для человека. И тут же смазанная тень перечеркнула силуэт пополам.

– Всё, можно двигаться дальше.

– Спасибо.

Опять бег и лавирование между деревьев. Треск сучьев всё ближе. Впереди, в зарослях, мелькнул силуэт, и показалась испуганная девушка, бегущая навстречу. А следом несколько преследователей, среди которых парень с удовлетворением узнал Шакала. Вот и свиделись.

– Берём их! – скомандовал он.

– Удачной охоты! – донеслось в ответ.

В таком волколачем состоянии Женька казался для обычного человека смазанной тенью, как, впрочем, и монстр. Поэтому противники даже сделать ничего не успели. Наверное, они так и не поняли, что умерли. Девушка, зажав от ужаса рот, смотрела, как тени мелькают между деревьев, а её преследователи падали на землю, кто с порванным горлом, а кто и со свёрнутой шеей. Женя усилием воли вернулся в нормальное состояние, повернулся к девушке и улыбнулся как можно дружелюбнее.

– Не бойся. Никто не тронет тебя. Кончились супостаты.

– Кто вы?

– Я? Барахольщик. От дикарей сбежал вместе с другом и его женой. А ты?

– Я тоже. Они меня в плен взяли. Но я смогла убежать. За мной гнались. Вот эти меня от дикарей отбили. Думала, что спаслась, а они ещё хуже оказались. Там ещё у них один страшный был. Боров.

– Боров? И где он?

– На поляне остался. Приказал меня догнать.

– Понятно. Жди меня здесь и ничего не бойся. Скоро я вернусь.

Женька отошёл подальше, поймал взглядом волколака, благоразумно прячущегося от девушки и, войдя в нужное состояние, помчался вперёд. Рядом тенью скользил монстр.

– Ну, что, поймали? – не оборачиваясь, спросил Боров, когда парень не торопясь вышел из кустов.

– Тебя поймали, – прорычал хрипло Женя.

Бугай с неожиданной для такого грузного тела скоростью подпрыгнул на месте и резко развернулся.

– Ты? – проревел он. – Я тебя сейчас разорву!

Уйти с дороги такой туши, двигающейся вперёд с неумолимостью тарана, было легко. Парень пропустил Борова мимо себя и резко ударил ногой по голени. Сухой треск возвестил о том, что нога сломалась. Бугай заорал от боли и рухнул, как подкошенный в траву. Не давая ему опомниться, Женька подпрыгнул вверх, приземлился коленями на грудь противника, с удовлетворением отмечая, как ломаются рёбра, проминаясь внутрь тела, и резким движением сломал ему шею.

– Всё, – проговорил он, поднимаясь. – Нет больше Борова. И головной боли больше нет.

Рядом спокойно стоял волколак, одобрительно глядя на труп. Проверив шалаши на поляне, собрал продукты, кое-что из имущества и пошёл назад. Девушку нашёл в компании Кота и Катерины. Женщины, похоже, уже спелись и сидели под кусточком, о чем-то перешёптываясь. Кот стоял немного в стороне, рассматривая труп того, кого первым разорвал надвое волколак. Женька подошёл к нему и тоже глянул на труп. Такой мутации парень ещё не видел. До пояса это был обычный человек. А вот ниже пояса у него были лошадиные ноги с коленками назад, заканчивающиеся самыми настоящими копытами.

– Это Скороход, – пояснил Кот. – Человек Борова.

– Я его и не видел ни разу.

– А он никогда с остальными в кабаки не ходил. Не любил этого. Зато на выходе был незаменим. Его всегда на загонной охоте наперерез жертве пускали. В беге ему равных не было. И копытами очень гордился. Говорил, что ему обуви не надо. Отбегался.

– Да уж. Все отбегались. И Боров тоже.

Они сидели на уютной полянке и обедали запечённой в углях зайчатинной. Татьяна успокоилась, привела себя в порядок в ближайшем ручье и уже выглядела гораздо уверенней, чем в первые часы после того, как её спасли от погони. И не мудрено. Сбежать от одних, чтобы попасть в лапы другим, не менее, а, может, и более опасных людей. Поначалу она и

на напарников смотрела с подозрением, ожидая очередной неприятной неожиданности. Вот только присутствие в группе Катерины немного успокаивало. Хотелось верить, что женщина не может быть среди плохих людей. Тем более, что она Татьяне сразу понравилась. Успокоившись, наблюдая за игрой языков пламени в костре, она постепенно рассказала о себе, о том, как попала в плен и что творится сейчас в городе.

– Н-да, – покачал головой Кот. – Свалились эти дикари на голову, будь они неладны. Шерифа жалко. Хороший был мужик.

– Я его видел один раз только, и мне он тоже показался неплохим, – подхватил Женя и повернулся к Татьяне. – Что дальше думаешь делать?

– Не знаю. А вы?

– Поищем, где жить можно, ответил Кот. – Вон, Женька предлагает найти брошенную деревню и в ней осесть. А я думаю, надо в другой город идти. Не дело в отдалении от людей бирюками жить.

– Я же не настаиваю, – стал оправдываться парень. – Можно и город поискать. Где он находится, кстати?

– Вроде, кто-то говорил, что на севере. Найдём. Или мы не барахольщики?

– А можно мне с вами? – робко попросилась Таня.

– И вправду, давайте её прихватим, – поддержала девушку Катерина. – Что же её в лесу бросать. Раз спасли девку, то надо и дальше её под защиту брать. Да и мне всё веселее будет.

– Кто же отказывается? – растерялся от такого напора жены Кот. – Хочет – пусть с нами идёт. Просто она для себя сама должна решить. Чтобы потом не было претензий, что мы её силком потащили. Путь неблизкий, да и небезопасно нынче в дороге.

– Я уже всё решила, – обрадованно засияла Татьяна. – Я с вами хочу.

– Ну, тогда, чтобы без нытья.

– Так, мужики, – опять обратила на себя внимание Катюха, – сейчас доедаем и давайте решать что-то.

– Это ты насчёт чего? – не понял Кот, обсасывая косточку.

– Насчёт жилья. Ночевать, сегодня, где будем? Уже и днём прохладно, а уж ночью на голой земле под открытым небом – увольте.

– Где же я тебе сейчас дом найду? Придётся, наверное, в шалашах перекантоваться.

– Не надо в шалашах, – вдруг раздался за спинами голос.

Все, как один подпрыгнули от неожиданности и обернулись.

– Лесовик? – не поверил своим глазам Женька, узнав в старичке с хитренькой улыбкой своего давнего знакомого.

– Я, конечно, я, – засмеялся старик.

– Каким ветром вас сюда занесло?

– Я же говорил тебе, что не могу на одном месте сидеть. Вот и хожу по белому свету.

– Сторож, называется, – подумал про волколака парень. – А если бы это не Лесовик был? Положили бы нас всех здесь.

– Я и сам не знаю, как это получилось, – вдруг раздался в голове обескураженный голос. – Я его и сейчас не чувствую.

– Что головой вертишь? – опять хитро улыбнулся Лесовик. – Ты зверушку не ругай. Не мог он меня учуять, пока я этого сам не захочу.

– Откуда вы знаете?

– Про друга твоего, что вон там круги нарезает?

– И про друга, и про то, что я его ругаю. Кстати, а как у меня это получилось? – вдруг спохватился Женька. – Я, ведь, в нормальном состоянии сейчас.

Лесовик уселся у костра, и Катерина подала старику кусок запечённой зайчатины на листе лопуха. Старик втянул в себя аромат еды, блаженно закрыв глаза, отщипнул кусочек, пожевал его и проглотил.

– Друга я ещё на расстоянии почувствовал. Сначала думал, что он на вас охоту затеял. Хотел шугануть. А потом смотрю, а он, наоборот, вас охраняет. А то, что ругаешь его – все ваши мысли у меня как на ладони.

– Так вы что, наши мысли подслушиваете? – взвилась Татьяна, при этом густо покраснев.

– Зачем? Мне этого не надо, да и не умею я этого. У вас все мысли на лицах написаны. Не умеете вы эмоции скрывать. А услышал ты друга потому, что дальше раскрывается в тебе твой дар. Теперь пришло время слышать мысли монстров.

– А что дальше будет? Морда вытянется, или хвост отрастёт?

– Экий ты смешной, – рассмеялся дед. – Я же тебе ещё тогда объяснил, что внешне ты не изменишься. Твой дар внутри. Дальше – больше. Может, запахи лучше будешь различать, или слух в нормальном состоянии будет, как в изменённом. Не знаю. Но меняться будешь, это точно. Только с этим даром поосторожнее. Не скатись разумом в пропасть первобытного состояния. Можешь и не выбраться оттуда.

– Я уже почувствовал это. Было пару раз такое.

– Вот про это и говорю. Надо себя всегда контролировать, когда в это состояниеходишь.

– Не было печали, – сокрушённо проговорил Женька.

– Чего так? Радуйся, что дар у тебя, а не просто мутация. Если бы не он, ты бы так и ходил в деревне одноруким калекой. Да ещё, спасибо скажи, что тебя волколак укусил, а не суслик какой-нибудь. Толку тебе было бы от сусличьего дара?

– Ну, да.

– Вот спасибо, что накормили старика. А насчёт ночлега, вы вон в ту сторону идите. Аккурат к вечеру к заимке выйдете. Там и заночуете. Заимка, давно заброшенная стоит, но состояние хорошее. Там и печка справная. А дров, вон, полный лес. Не замёрзните.

Старик поднялся и опять скрылся в лесу. Как и не было его. Все переглянулись между собой.

– Странный старичок, – пробормотал Кот.

– Подождите, – вдруг спохватилась Таня. – О ком это он говорил? О каком друге, который нас охраняет?

– А ты думала, что я всех этих людей Борова один перебил? Я один бы не справился. Волколак мне помогал. Не надо бледнеть. Моих друзей он не трогает.

– То есть у тебя есть способности волколака, а где-то рядом кружит ещё один, который настоящий, и он твой друг? Я правильно поняла слова бабушки?

– Да. Что, передумала с нами идти?

– Нет. Просто это как-то необычно и, не скрою, пугающе. Но, раз Кот с Катериной относятся к этому нормально, почему бы и нет?

– Не так уж нормально я отношусь к этому, – ответила Катюха. – Просто принимаю это всё как данность. И продолжаю бояться. Но, надо признать, охрана из волколака просто прекрасная.

– Ага, – буркнул Кот. – А старика он прозевал.

– Старик, это особое явление, – заступился за монстра Женька. – Он один по лесам шастает, и его ни один зверь не трогает. Сам же слышал, как он сказал, что пока не захочет, его учуять нельзя.

– Ну, да. Старик, это вообще что-то запредельное. Да и, человек ли он? Ладно, давайте собираться. Надо ещё засветло до заимки дойти.

– Точно, – согласился Женька. – Дойти, да ещё и дровами запастись. Ну и мне, по светлomu времени, успеть силки расставить. А то, как вчера, как попало получится.

Заимка открылась совершенно неожиданно. Уже вечерело, и стало, как будто, уже немного темнеть. Кот всё больше пыхтел от негодования, совершенно убеждённый, что старик намеренно их сбил с толку и никакого жилья уже не будет. Женщины устали и уже были согласны даже на шалаш. Только Женька с непонятным даже ему самому упорством двигался вперёд. Можно было бы послать на разведку волколака, но партнёры благоразумно рассудили, что лучше пускай монстр прикрывает их с тыла. Не хватало ещё получить в спину внезапный удар тех же дикарей. А в возможность того, что они, найдя убитыми тех, кто погнался за девушкой, начнут планомерные поиски, верили все. И, вдруг, деревья расступились, и на небольшой поляне показался небольшой, но добротнo построенный дом. Было видно, что досталось ему от времени знатно, но прочность ему неизвестный строитель задал неплохую. Да и посещали этот дом достаточно часто. А дому только и нужно, что человек под крышей. Без него он гибнет.

Женька сразу оставил группу, как только проверил помещение. Дровами займётся и Кот, а силки ставить надо. Группа увеличилась и все хотят есть. Хорошо, что, хоть, волколак сам себя едой обеспечивает. Парень и не хотел знать, чем он питается. Пока окончательно не стемнело, пробежался по лесу, поставил силки и, даже, подстрелил достаточно крупного косача, неосторожно усевшегося на нижнюю ветку старой кряжистой берёзы. За время его отсутствия дом изменился. Женщины навели относительную чистоту, а Кот нарубил дров и растопил печку, и сейчас по всему жилищу разливалось уютное тепло и аромат чего-то вкусного из котелка, весело кипящего в печи.

– Садись, чаю попей, – пригласил его за стол Кот. – Думать будем.

– О чём? – присел Женька и подвинул к себе кружку.

– Что завтра делать. Идти, или задержаться немного.

– Я думаю, что нужно на пару дней задержаться.

– Почему? Уже глубокая осень и погожих дней осталось совсем немного. Скоро зарядят дожди, а по раскисшей земле, да ещё и когда сверху льёт, не сильно и походишь.

– Девчонкам надо в себя прийти. Особенно Тане. Да и на дорогу припасы заготовить. Посмотрим, что завтра силки дадут, ну и пострелять дичи тоже нужно. Я, вон какого косача с дерева снял. А выходить послезавтра на рассвете.

– Хорошо. Надеюсь, что один день погоды не сделает.

– Так, мужики, – влезла в разговор Катерина, – хватит болтать. Сейчас кушать будем.

– Это дело! – обрадовался Кот. – Поедим и сразу спать.

Супчик из зайчатины получился неплохим, наваристым. Тем более, что Татьяна успела пройтись вокруг дома и найти дикий чеснок, лук и ещё какие-то травы. Так что, поели с удовольствием. Пока женщины стелились и укладывались, мужчины вышли из дома и усьелись на крыльце.

– Как ты думаешь, – поинтересовался Женька, глядя на звёзды, – до города долго идти?

– Не знаю. Но путь не близкий, это точно. Был бы он недалеко, мы бы друг к другу ходили бы. Обмен, торговля и всё такое. А так, никого я из других городов не видел.

– А почему тогда так уверен, что ещё есть города?

– Если наш есть, то и другие тоже должны быть. Не одни же мы на этом свете. Да и говорили мне как-то, что бывал кто-то на севере. И города видел. Там людей побольше, якобы, сохранилось.

– Посмотрим. Очень хочется, чтобы ты прав оказался. Как-то не прельщает мне по лесам, да по степям мотаться в поисках призрачной цели.

– Ладно. Спать пошли. Девчонки улеглись, вроде.

Женщины действительно уже улеглись и даже умудрились уснуть. Умаялись за день. А Тане вообще досталось. Женька улёгся на свою лежанку. Кот задул лучину и принялся пристраиваться Катерине под бочок. Парень прикрыл глаза и неожиданно для себя стал думать

о Татьяне. Хорошая девушка. Незлобивая, с мягким характером. Такие всегда Женьке нравились.

Да и внешне Татьяна очень даже ничего. И симпатичная, и фигурка ладная. И хозяйственная, наверное. Вон, не успели в этот дом зайти, а она уже успела травок каких-то отыскать и суп приправила. Вкусно было. Конечно, после дня пути по лесу они бы и невкусное съели бы с большим аппетитом. Но всё же с приправой и вкуснее и ароматнее. Да. Действительно хорошая девушка. Стоит, наверное, поухаживать. Только вот как? Во-первых, не умел Женька ухаживать. Вот как-то не сложилось у него с женским полом. Сначала, вроде как малой был. Потом вообще калека. У них в деревне девки парней выбирали. Это не в городе, где парень к девушке мог подкатить, да и заигрывать направо и налево. В деревне за такое поведение бабы на совет вызовут, пропесочат как следует, да и на конюшню отправят. А там старый конюх дед Антон пяток раз своим кнутом по спине пройдётся, вмиг поумнеешь, и больше таких глупостей делать не будешь. Парню следует быть скромным, на женщин в открытую не пялиться и своим трудолюбием, старательностью и мастерством доказывать, что он тот, кто нужен девушке. А во-вторых, неудобно как-то. Подумает ещё, что он пользуется тем, что спас её, и она должна его за это отблагодарить таким образом. Женьку даже жаром обдало от такой мысли и щёки ощутимо загорелись. Хорошо, что темнота. А действительно, она, вроде неплохо к нему относится. Вроде, как с симпатией. А что, если это просто благодарность? И как теперь себя с ней вести? Как отличить симпатию от благодарности? Совсем запутался. Да и мысли стали какие-то тяжёлые, вялые. Парень не заметил, как уснул. И приснилась ему, конечно же, Татьяна.

С утра, даже не завтракая, Женька побежал проверять силки. Охота порадовала. Сразу четыре ушастых. Занёс их в дом, отдал Коту и только после этого сел перекусить.

– Присоли хорошо тушки, – посоветовал он, наблюдая, как напарник свежует зайцев. – А я сейчас с самострелом пройду, дичи постреляю. Места для охоты хорошие. Зверьё не пуганное.

– Это хорошо, – согласился Кот. – Припасы в дорогу не помешают.

– Еда никогда лишней не бывает.

– Говядинки бы.

– Боюсь, говядину со свининой нам поесть не скоро доведётся. Домашнего скота нет, а кабана, да лося нам не завалить. Силёнок маловато.

– А если с волколаком?

– С ним можно. Но, не стоит пока. Обойдёмся птицей, да ушастыми.

Женька отодвинул от себя опустевшую тарелку, ковырнул в зубах щепкой, сыто зажмурился и вышел из-за стола.

– Уже идёшь? – спросила Татьяна, как-то по-особенному взглянув на него немного искоса.

Или это показалось? Вот что это? Симпатия или благодарность? После тех мыслей перед сном, он более внимательно стал приглядываться к девушке. И ещё больше запутался.

– Да. Пройду по лесу. Дичи постреляю. А то постоянно одна зайчатина. Надо и разнообразить.

– Жалко хлеб на деревьях не растёт, – улыбнулась она, показав ямочки на щеках. – Без хлеба всё же не так.

Вот опять. Как расценить этот взгляд? Кокетничает, или нет. Женька разозлился на самого себя, что-то буркнул и вышел из дома.

– Что-то ты расстроенный, брат, – раздалось у него в голове.

– Будешь тут расстроенный, когда ничего не понятно!

– Это ты о чём?

– Не бери в голову. Пойду поохочусь.

- Когда пойдём дальше?
- Завтра.
- Почему не сегодня?
- Надо еды поднабрать.
- Непокойно мне что-то. Лучше бы сегодня уйти.
- С чего такое чувство у тебя?
- Не знаю. Только непокойно. А я своему чутью доверяю.
- Думаешь, преследуют нас?
- Думаю.
- Да мы, вроде, далековато, уже, ушли. Любая погоня уже отстала бы.
- Как знаешь. Только я предупредил.

Женя зарядил свой самострел и шагнул в чащу. Глаза привычно шарили по ветвям деревьев, ноги наступали мягко, по волчьим, стараясь не хрустнуть ни одним сучком, а голова была занята мыслями. Волколаку он доверял. За всё время их такой странной дружбы монстр ни разу не заставил усомниться в себе. Но, зачем так упорно преследовать? Для чего? Ну убежала из плена одна девушка. Причём не из гарема вождя дикарей, а просто с работы по рубке дров. То есть, ничего важного в ней нет. Обычная пленная, каких сейчас у дикарей пруд пруди. Ну, поубивал кто-то нескольких преследователей. И, ведь, тоже не приближённых вожака, а обычных воинов, которые стерегли въезд в город.

И что? Неужели из-за этого уже второй день тратить на поиски злоумышленников? Тем более, что тела Борова и его приспешников уже нашли, скорее всего. Логично предположить, что Боров убил преследователей, а Борова убил кто-то другой. И всё. Вопрос решён. Обидчики наказаны. Пусть не дикарями, но всё-таки наказание понесли. Несовместимое с жизнью, между прочим. Что-то здесь не так.

Над головой Женька заметил движение и вскинул самострел. Сытый жирный косач важно сидел на ветке, что-то высматривая впереди себя. Тетива тоненько тренькнула, и стрела прошила птицу насквозь. Ну, с почином. А вон ещё один сидит. Тоже подстрелим. Дальше настала очередь четырёх тетёрок. Размером они поменьше, конечно, но тут не до капризов. Пойдёт. Пока ходил по лесу, всё думал над тем, что сказал волколак. Наконец, решил: выходить нужно будет завтра с утра пораньше, но собраться нужно уже сегодня. На всякий случай. Всё собрать, чтобы в случае опасности только подхватить и в лес. С таким решением он и пришел назад.

– А, может, всё-таки сегодня уйти? – нерешительно предложила Татьяна.

– Можно и сегодня, конечно, но далеко ли мы за пол дня уйдём? – ответил Женя. – И, где ночевать? Да и дичь нужно обработать. Я что, стрелял её зря? Занимайтесь птицей, а я пойду силки снимаю. Может, ещё парочка ушастых попалась.

В силки попались ещё два зайца. Женька снимал все силки и аккуратно свернув, уложил в ранец. Вещь, вроде, не мудрёная. Верёвочные петли всего, а, какая полезная! Кормит, ведь. И неплохо кормит! В доме осмотрел припасы и остался доволен. Вот ведь, что называется, крестьянская жилка! Если есть припасы, то и душа спокойна.

– Что улыбаешься? – удивилась Катерина.

– Радуюсь, что с едой теперь полный порядок.

– Да уж, ты хороший охотник. С тобой не пропадёшь, – проговорила Катюха и стрельнула глазами в сторону Татьяны.

Или, показалось? Вот незадача! Пока не думал ни о чём таком, всё нормально было. А, сейчас, каждый взгляд, каждое движение подозрительным кажется. Во всём тайный смысл чудится.

– Ладно. Пока занимайтесь, а я на разведку сбегая. Посмотрю по округе.

– С монстром пойдёшь? – спросил Кот.

– С ним.

– Значит, обращаться будешь? – вклинилась в разговор Татьяна.

– Да. Так быстрее будет. Да и больше увижу и услышу.

– Ты поосторожнее с этими обращениями. Помнишь, что старик говорил? Как бы в таком состоянии не остаться совсем.

Вот, опять. Что это было? Просто человеческое участие и забота, или проявление симпатии? Как разобрать? Может, она это сказала без задней мысли. Ведь точно так же могла сказать и Катерина. И тогда у Женьки даже в голову бы не пришло искать какой-то тайный смысл в её словах. Вот наваждение! Парень, ничего не ответив, вышел из дома.

– Я здесь, брат.

– Пошли, посмотрим, что вокруг твориться, – предложил Женя, наслаждаясь тем, как наливаются силой мышцы и обостряются чувства.

– Пошли.

Лось был просто в бешенстве. Таким его не видели ещё даже самые близкие его приближённые, те, кто ещё играл с ним в пыли за отцовским шатром в далёком детстве. Вожак рвал и метал. Как?! Как такое могло случиться? Младший сын. Тот сын, который был рождён от младшей, самой любимой жены, убит. И убит неизвестно кем. Мальчишка только готовился стать мужчиной и для того, чтобы он учился руководить, Лось назначил его начальником отряда для охраны ворот. Как гордился этим назначением сын! Как ходил он, гордо выпятив грудь и поминутно касаясь рукояти сабли, висевшей у него на поясе. Всё было хорошо, и тут эта беглянка.

Ну чего стоило ему остаться на охране, просто назначив старшим погони своего заместителя? Почему он сам бросился преследовать ту женщину? Их не было очень долго. Да и доложить о пропаже поискового отряда боялись. Когда, наконец, доложили, прошло очень много времени. Даже, тогда ничто ещё не предвещало беды. Просто отправили отряд на поиски. Отряд вернулся перед самой темнотой и привёз тела, пробитые стрелами. Вот тут уже Лось впал в ярость. Увидев невидящие глаза мёртвого мальчика, искажённое от боли лицо и грудь, пробитую стрелой, он заревел, словно раненный медведь и одним ударом сабли развалил пополам ближайшего к нему воина. Все в страхе попятнулись. Как ни странно, вид крови отрезвил немного вожака.

– Барсука ко мне! – заорал он.

– Я здесь, Лось.

– Найди мне их! – прошипел вожак, схватив здорового воина за грудные пластины и тряся так, что у того застучали зубы. – Найди и приведи сюда. Не убивай только. Они мне живыми нужны. Я хочу, чтобы они мучились. Я хочу, чтобы они мучились так, что солнце бы затмилось от их боли, а звёзды срывались с неба от их криков. Найди!

– Я найду их, – Барсук слегка пригнул голову, обозначив поклон, и отошёл от Лося.

К месту, где нашли тела, добрались без проблем. Дальше воин спрыгнул с коня и прошёл поляну сам, всматриваясь в, только одному ему видимые, следы. Ага. Вот здесь беглянка присела под деревом. Видимо, выбилась из сил. Естественно, ей, жительнице города, невозможно оторваться и скрыться, когда преследование ведёт представитель его племени. Они же выросли в лесу и знают, как найти добычу, как отыскать родник или, наоборот, устроить засаду на крупного зверя. Не чета изнеженным горожанам. Вот, сейчас Лось завоевал город. А не собирается ли он сделать из них таких же неженков? Эта мысль не понравилась, и Барсук негромко зарычал. Они – жители лесов и степей. И не к лицу свободным людям ютиться за забором.

Вот отсюда вышли на поляну преследователи во главе с сыном Лося. Тут же их и обстреляли из самострелов. А стреляли откуда? Судя по всему, вот из этих кустов. Вот видны следы. Кто-то вышел и опять вернулся назад, уводя беглянку. Да. Так и есть. Жалко, что солнце уже село и поляну приходится осматривать при свете факелов. Пожалуй, больше сегодня не узнать.

Надо будет дожидаться утра. Придя к такому выводу, Барсук дал своим людям команду на ночёвку.

С утра продолжили поиски. Вышли по следам к поляне, на которой стояло несколько шалашей и лежал труп огромного человека со свёрнутой шеей. Уже интересно. Когда прошли дальше, обнаружили место побоища, на котором лежали в разных позах около десяти человек. Люди были убиты. И, при чём разным способом. Одни были разорваны, другие погибли от того, что им свернули шеи. Ну и съеденных тоже хватало. Те, кто перебили их всех, оружия не забирали, поэтому Барсук мог сравнить стрелы у трупов со стрелами в убитых соплеменниках. Однозначно, это те, кто убил сына Лося. Кто-то успел с ними поквитаться. И это не понравилось. Лось ясно сказал, что убийц надо привести живыми. Если сейчас привезти трупы, как бы самому головы не лишиться. И что делать? Мёртвых не оживишь. А если привести к вожаку тех, кто убил тех злоумышленников? Только вот кто это был? Похоже, что половину растерзал волколак. А вот остальных явно человек убивал. И того, на поляне тоже.

Барсук присел и стал вглядываться в следы. Ага. После того, как неизвестные устроили здесь бойню, один человек прошёл на поляну, убил того, большого, и вернулся назад. А вот тут его уже дожидались трое. Он к ним присоединился, они немного ещё потоптались по поляне, и ушли в ту сторону. И того четыре человека. А что, если вожаку их предъявить? Они, ведь, получается, нарушили волю Лося, убив виновников смерти его сына. Раз так, то и отвечать им. Правда, немного смущал волколак. Он, как-то, в схему не укладывался. Может, он набросился на людей во время боя, а, потом, выжившие отогнали его стрелами? Почему бы и нет? Тогда логично предположить, что те четверо заодно были с убийцами. Приняв решение, Барсук выпрямился.

– Идём по следам, – коротко приказал он своим воинам.

Читать следы умеет каждый воин. Тем более, что неизвестные не таились, шли спокойно и, даже, устроили один привал. Кострище на поляне ясно об этом говорило. Во время привала к ним ещё кто-то приходил, но не присоединился, а, спустя какое-то время, ушёл по своим делам. Пойти за ним? Не стоит. Четверо предпочтительней, чем один. Барсук ещё раз осмотрел кострище и знаком приказал двигаться дальше. Если эти неизвестные ведут себя так беспечно, то схватить их будет несложно. Вряд ли они ожидают нападения.

Преследователей первым учуял волколак. Уже после того, как он остановился и, вытянув морду, стал принюхиваться, Женька тоже услышал голоса. Дальше двигались уже осторожно. Вскоре можно было различить не только голоса, а ещё и то, о чём говорят люди.

– Ни один из них не должен погибнуть, – низким властным голосом гудел один из преследователей, видимо, главный.

– Да поняли мы уже это, Барсук, – отвечал ему кто-то.

– Знаю я, как вы понимаете. Поняли они. Вам бы только саблей помахать. Поэтому и ещё раз предупреждаю: Лосю мы их должны живыми доставить и, по возможности, невредимыми.

– Ох, не завидую я им! – влез в разговор кто-то другой. – В плане пыток Лось изобретателен.

– Да уж. О смерти они точно мечтать будут.

Судя по всему, разговор был про них. И перспектива совсем не радовала. И что теперь делать? Группа по их следам идёт большая. Человек двадцать. Женька прекрасно понимал, что даже при помощи волколака он не справится с такой толпой.

– Слишком их много, – раздалось в голове.

– Да. Многовато. И я не знаю, что делать. Даже если сейчас вернёмся и предупредим остальных, оторваться от преследователей уже не получится. Тем более, что они верхами.

– Вдвоём мы от них спокойно уйдём. Зачем возвращаться?

И вправду, зачем? С таким балластом, как Кот, его жена и Татьяна, они точно не сумеют оторваться. А, значит, придётся принимать бой. И это однозначно плен. Их будут брать живыми. То есть его напарник и женщины так или иначе в плен попадут. Это неизбежно. Так зачем ещё и Женьке туда же голову совать? Предательская мыслишка была настолько соблазнительной, что парень уже хотел согласиться с волколаком, но, вдруг, заколебался. Но, ведь, Кот ему друг. Хотя, какой там друг? Меньше месяца знакомы! Так всё-таки, друг или нет? Скорее всего, всё-таки друг. И Женя жил в его доме, кушал то, что готовила Катерина. Она, тоже, женщина неплохая. Как-то не хотелось бы Женьке, чтобы её взяли в плен и там пытали.

И Татьяну, тоже. При мысли о девушке у парня в груди потеплело. Жалко. Всех их жалко. Но и себя, тоже, жалко. И волколак настаивает на том, чтобы уйти. А он свои силы знает. Если говорит, что не справятся, значит, так и есть. Самое разумное, спасти себя. А как же они? Если сейчас их бросить, сможет ли Женька жить спокойно всю оставшуюся жизнь? Не будет, ли саднить и ныть в душе этот поступок? А, ведь, потом ничего уже не исправишь. Не отмотаешь назад, не переделаешь. И друзей не вернёшь.

– Я их не брошу, – словно ныряя в холодную воду, принял он решение. – Если хочешь, уходи один.

– Почему? Не понимаю. Ведь это реальный шанс спастись.

– Они мои друзья. И, мне кажется, они не бросили бы меня, поменяйся мы местами.

– И, что ты собираешься делать?

– Ну, для начала предупрежу друзей. Пусть быстро собираются и уходят.

– А потом?

– Потом не знаю. Ещё не решил. Наверное, вступлю с ними в бой, чтобы дать друзьям уйти как можно дальше.

– Ты погибнешь.

– Вряд ли. Они будут стараться взять меня живым. Значит, возьмут.

– Ты один против такого количества не устоишь. И ты готов попасть в плен и дать себя пытаться?

– Ты меня убьёшь. Выберешь время, когда они успокоятся и расслабятся, выскочишь из укрытия и убьёшь. Скрыться от них потом для тебя плёвое дело.

– Я не хочу тебя убивать. У меня другое предложение. Мы обойдём их и нападём сзади. Ударим внезапно, но в бой ввязываться не будем. Мы станем отходить, заманивая их всё дальше. Заставим их преследовать нас и уведём подальше от твоих друзей. А там, нападая с разных сторон, вымотаем их и, если получится, уничтожим.

– Согласен. Хороший план. Присмотри пока за ними, а я сбегаю и предупрежу Кота.

– Зачем? Если мы собираемся их уводить, зачем кого-то предупреждать?

– Всё равно. Пусть будут наготове.

Волколак остался следить за преследователями, а Женька, не выходя из волколачьего состояния, рванул к заимке. Известие о погоне встревожило друзей не на шутку. Особенно испугалась Татьяна. Оно и понятно, ведь она уже была один раз в плену.

– И что нам делать? – растерянно спросил Кот.

Таким обескураженным Женя его ещё не видел.

– Приготовьтесь. Мы постараемся их увести. Будьте начеку.

– А если не получится?

– Если не получится, все вместе примем бой. Ничего другого не остаётся.

– Я говорила, что уходить надо было! – неожиданно взвилась Катерина. – Нет же. Все умные. Слушать никто не хочет.

– Они бы не отстали, – ответил парень. – Всё равно бы шли по нашим следам, пока бы не догнали. Мы им почему-то позарез нужны. И именно живыми.

– Это почему?

– Не знаю. Так им приказал вожак. Всё. Я побежал. Приготовьтесь, в случае чего уходить или отстреливаться.

Уже не слушая, что ему вразнобой пытались сказать друзья, он выскочил за дверь, быстро пришёл в волколачье состояние и побежал назад. Монстр ждал его на том же месте, где его и оставил парень.

– Ну, что? Как они?

– Испугались. Но, главное, предупреждены. Как враги?

– Двигаются сюда. Слышишь?

Женька и сам уже слышал звукидвигающегося отряда. Они совсем уже недалеко. Разговоров больше не было. Только топот копыт, фырчание лошадей, да сдержанные ругательства, когда кто-то из всадников наткнулся на ветку. Тянуть дальше смысла не было и Женька осторожно, стараясь ничем не выдать себя, стал обходить отряд по дуге. Рядом неслышной тенью двигался волколак. Только когда оказались за спиной у противника, решили подобраться поближе. Наконец, удалось увидеть их воочию. Действительно человек двадцать в меховой одежде с пришитыми на спине и на груди металлическими пластинами, и нелепыми треугольными шапками, с саблями на поясах и притороченными к седлу самострелами.

Во главе ехал высокий плечистый дикарь в безрукавке из медвежьего меха. Видимо он и был здесь главным. Сразу было видно, что он достаточно опытный воин и серьёзный противник. Об этом говорила и его манера держаться в седле так, словно он и конь – единое целое, и шрамы, покрывающие его оголённые руки и лицо. В лесу плотной группой не проедешь, поэтому отряд рассыпался, и каждый выбирал индивидуальную дорогу, только придерживаясь общего направления. Для внезапного нападения лучше не придумаешь.

Молча, распределили цели. Волколак выбрал себе кряжистого мужичка, у которого кроме сабли на поясе болтался топор на длинной ручке и следующего за ним молодого парня. Женька нацелился на крайнего воина средних лет с волосами, забранными в хвост и едущего рядом бородатого крепыша. Бросились одновременно, как по команде. Первыми нападающих почуяли лошади. Заржав от страха, бедные животные бросились в сторону и стали, то шархаться, натываясь на деревья, то взвизгивать на дыбы, создавая неразбериху. Ничего не понимающие дикари пытались успокоить лошадей. Несколько человек покатались по земле, выбитые из седла низко растущими ветками в момент, когда кони неожиданно понесли.

Женька с разгона заскочил на круп бешено храпящей от страха лошади, одним движением свернул противнику шею, не останавливаясь, перескочил на соседнее животное, схватил сидящего в седле воина за ремень и швырнул о ствол старой сосны. Услышав обострившимся слухом треск ломающегося позвоночника, мельком глянул на результат работы волколака. Надо сказать, результат впечатлял. Обе жертвы были разорваны пополам. Первая часть плана выполнена, поэтому Женя соскочил с обезумевшей от страха лошади и скрылся в кустах. И вовремя, так как следом туда же полетело несколько стрел. Надо сказать, дикари опомнились от неожиданности очень быстро. Серьёзные противники. Не стоит их недооценивать.

– Что встали? – услышал он голос главного. – Вперёд за ними!

– Там же волколак, – ответил ему кто-то.

– Один волколак, а вот другой точно человек. Волколака убить, а человека постараться взять живём! Вперёд!

Топот копыт возвестил о том, что преследователи заглотели наживку. Ну, что ж, можно и побегать. Тем более, что в волколачьем состоянии это не составляет труда. Намеренно оставляя за собой как можно более различимый след, Женька стал ломиться через кусты. Слишком быстро тоже не надо бежать. Просто удерживать постоянную дистанцию между собой и преследователями. Волколак, видимо, думал так же, потому, что тоже ломился через лес с грацией кабана. Куда только делась его неслышная поступь?

Бежали около получаса, и увели преследователей далеко от их маршрута. Убедившись, что противник не собирается бросать погоню, разделились и, уже бесшумно стали охватывать отряд по дуге слева и справа. Женька затаился в кустах и, дождавшись, когда противник стал проезжать мимо, бросился вперёд. На этот раз даже лошади, разгорячённые преследованием, среагировали поздно. Опять бросок на круп, резкое движение, треск ломающихся шейных позвонков, ещё бросок и ещё одна шея набок, и опять в кусты. Крики с той стороны группы возвестили о том, что волколак тоже не сидел без дела. Опять над головой просвистели стрелы. Опаздываете, ребята.

Отряд остановился, и бойцы завертелись на месте, целясь в заросли густого подлеска из самострела. Чувствовалась общая нервозность. Люди растерялись, не зная, откуда ожидать нападения. Главный трубно матерился, насылая всевозможные кары на головы неизвестного противника. И Женька его прекрасно понимал. Шутка ли, за полчаса потерять восемь своих воинов. Почти половину отряда.

– Что дальше, брат? – пронеслось у него в голове.

– Уходим вперёд и опять там шумнём. Пусть думают, что мы убегаем.

– Хорошо.

Опять обошли по дуге отряд и с шумом и треском снова побежали вперёд.

– Они там! – донесся голос главного. – Вперёд!

Погоня продолжилась. На этот раз преследователи были более осторожными, старались держаться более плотно и удерживали под прицелом всё вокруг себя. Отличные воины. Без проблем разобрали сектора, и от этого отряд стал похож на свернувшегося ежа, выставившего во все стороны свои иголки. Нарываться на стрелу не хотелось, поэтому изматывали противника, не давая приблизиться, пока нет возможности напасть. Такая возможность представилась, где-то, через час, когда лошади стали уставать и всё чаще спотыкаться о корни деревьев.

Да и сами воины устали быть в постоянном напряжении, постоянно обшаривая взглядом подлесок и держа самострелы наготове. То один, то другой вдруг стреляли в кусты, принимая необычную тень или причудливо изогнутую корягу за врага. Вдобавок, волколак спугнул медведя, и хозяин рванул с оглушительным треском прочь. Треска хватало не только на них двоих, а, пожалуй, на человек пять с лихвой. Пользуясь этим, опять разошлись в разные стороны, обогнули преследователей, устремившихся за медведем и, считающими, что это противник убегает, и напали на отряд сзади.

Женька неожиданно для себя вошёл в боевой раж и напрочь забыл об осторожности. Двое уже валялись на земле с переломанными шеями, а выходить из боя не хотелось. Ближайший к нему дикарь вскинул самострел, но выстрелить не успел. Парень выхватил у него из рук оружие и им же размозжил ему голову. Внезапно, на плечи упала верёвка, и резкий рывок сбил Женю с ног. Уже покотившись по земле, он увидел, что это здоровенный главарь накинул на него аркан и сейчас подтягивает к себе поближе. Из горла вырвался хриплый волколачий рык, мышцы вздулись канатами, и прочная волосяная верёвка лопнула, словно гнилая нитка.

Женька приготовился прыгнуть на обидчика, когда тень за спиной заставила его обернуться. Заросший бородой до самых глаз дикарь уже занёс над ним свою саблю. Был бы парень в нормальном человеческом состоянии, тут бы и остался без головы. Только волколачья ловкость и скорость спасли ему жизнь. Клинок,двигающийся для обычного человека с быстротой молнии, для Женьки просто плавно делал полукруг, поэтому поднырнуть под него и одним ударом кулака вмять внутрь тела грудную клетку противника не составила особой проблемы.

– Уходи, – пронеслось у него в голове. – Ты заигрался. Уходи.

Парень и сам понял, что слишком увлёкся и рванул в кусты между ещё двумя всадниками, которые уже вскинули свои самострелы. Всадники замешкались, побоявшись попасть друг в друга, а потом уже было поздно. Женька скрылся в подлеске. Преследователи растерянно сбились в кучу, нервно целясь по сторонам.

– Барсук, что делать будем? – истерически прокричал кто-то из них. – Это же демоны какие-то! От отряда всего шесть человек осталось!

– Успокойся, Хорь, – пробасил главный. – Нам, теперь, отступить некуда. Они нас не выпустят.

– И что ты предлагаешь?

– Для начала, чтобы ты заткнулся. Ты воин, а не баба. Не раскисай.

– Действительно, Барсук, что делать будем, – угрюмо спросил ещё один.

– Спешиваемся. Пойдём пешком. Лошади никуда не денутся. Всё равно за нами пойдут. Идём плотной группой. Самострелы наизготовку.

– Зачем спешиваться?

– Мы верхом сильно рассредоточены. Плотной группы не получается.

– В город пойдём?

– Ты хочешь, чтобы с нас живьём кожу содрали за невыполнение задания? Пойдём за той четвёркой. Без них в город никак.

Бойцы слезли с лошадей и, хлопнув их по крупу, отпустили, а сами сбились в плотную кучу, оцетинившись стрелами, и пошли назад. Женька с волколаком двинулись следом. Идти пришлось не сзади, а по бокам отряда, чтобы не учуяли лошади, которые на некотором отдалении тоже шли за своими хозяевами.

Пешком двигаться, да ещё и постоянно ожидая нападения, это не на лошади во весь опор скакать. Поэтому, когда ночь опустилась на лес, прошли едва половину пути. Выбрав полянку, встали на постой. Разожгли костёр, натаскали лапника, подозвали лошадей и стреножили их.

– Лошади будут нашей сигнализацией, – пояснил Барсук. – Они волколака на расстоянии учуют.

– А человека?

– Человека тоже. Особенно того, который вместе с волколаком на нас напал. Сейчас ужинаем, разбираем смены и, спать. Дежурить по двое, руки с самострела не убирать. Стрелять на каждый шорох.

Женька с волколаком на расстоянии слушали, как воины, вяло переругиваясь, решали, кому, когда дежурить. Потом было слышно, как они поели и, наконец, улеглись спать. Лагерь затих. Только мягко переступали копытами кони, изредка пофыркивая, да похрапывал кто-то, слегка присвистывая.

– Ну, что? – спросил монстр. – Нападаем?

– Подожди. Дай им успокоиться и расслабиться. Потом я подберусь поближе и уничтожу охрану. А там уже и ты подтянешься.

– Почему ты охрану уничтожаешь?

– Тебя лошади на расстоянии учуют. Правильно этот Барсук сказал.

– А тебя не учуют, что ли?

– Я в человеческом состоянии подберусь. А уже там обращусь.

Женька расслабился, вышел из ображённого состояния и сразу продрог. А похолодало сильно! Скоро зима. Подложив под себя лапник, он поплотнее закутался в куртку и стал дышать на руки, стараясь их согреть. Интересно, а в волколачьем состоянии холод вообще не ощущался. Нет. Так дело не пойдёт. И костёр не разжечь. Хотя, почему это? Они от отряда достаточно далеко. Отсюда они вряд ли огонь увидят. Парень опять обратился и, пользуясь обострившимся зрением, собрал сухие сучья. Разжечь костёр было минутным делом и, вскоре, он уже блаженно улыбался, протягивая к огню озябшие руки.

Для верности подождали два часа. Потом Женька осторожно, стараясь не хрустнуть ни одной веткой, подобрался поближе. Оба охранника сидели спокойно, греясь у костра. Первоначальный запал добросовестного несения службы уже упал, и они вяло переговаривались

между собой, положив самострелы на колени. Ещё более осторожно парень стал подбираться ближе и остановился только тогда, когда лошади стали проявлять лёгкое беспокойство. Значит, дальше нельзя. Уже здесь, предварительно пошав волколаку сигнал, он ускоренно обратился. Завизжали лошади, внезапно учуяв монстра совсем рядом, вскочили охранники, всё опять стало медленным и тягучим.

Женька прыгнул вперёд, схватил первого охранника, отмечая, как медленно он поднимает свой самострел, одним движением свернул ему шею, тут же выбил из рук второго оружие и вмял ему кулаком лицо в череп. Очень медленно стали подниматься с хвойных лежанок остальные, когда серая тень упала сверху и стала рвать только что проснувшихся людей. Женька бросился к волколаку и, схватив за ноги одного из воинов, с размаху разбил его голову о ближайшее дерево. Рядом катался ещё один, зажимая руками разорванное горло. Пара минут, и только Барсук, бледный как мел, стоял, прижавшись спиной к дереву и выставив перед собой саблю. Подав сигнал волколаку, Женя подошёл к барсуку поближе и глянул в его налитые кровью глаза.

– Кто вы такие? – с еле сдерживаемой истерикой в голосе, спросил главарь. – Я таких бойцов не видел. Неужели действительно демоны?

– Думай, как хочешь. Зачем вы нас преследовали? – сквозь рык спросил парень.

– Вы сами напали на мой отряд, – непослушными губами ответил воин.

– Нет. Сначала вы начали преследовать меня и моих друзей. Нападение на вас было вынужденным.

– Вы убили сына нашего вожака.

– Мы его не убивали.

– Он возглавил погоню за убежавшей девушкой, и вы его убили.

– Его убили не мы. Его убили Боров и его люди.

– А вы убили их.

– Да. Это наши давние враги.

– Но их должен был убить наш вожак! А вы помешали ему это сделать. Поэтому вместо них он должен убить вас.

– Интересная логика. Вы напали на наш город. Вы перебили кучу горожан, а остальных превратили в рабов. Вам что, мало? Вы лишили нас дома, а теперь ещё и собираетесь лишить нас жизни. Да ещё и не просто убить, а заставить перед смертью помучиться. Не слишком ли нагло?

– Город мы взяли по праву сильного! – рявкнул Барсук и, вдруг, неожиданно, бросился на Женьку.

Вот только не учёл он того, что все его резкий выпад для парня был тягучим и медленным. Вот Барсук делает два долгих шага, плавно поднимая саблю над головой. Вот сабля, начинает неторопливо опускаться. Женя спокойно сжал ладонь на запястье руки, удерживающей оружие, с удовлетворением ощущая, как ломаются от нажима кости, глянул в расширяющиеся от боли и удивления глаза и ударил второй рукой противника в шею. Хрустнули позвонки, и Барсук медленно стал заваливаться на землю.

– Вот и всё, – проговорил парень.

– Теперь, назад? – поинтересовался волколак. – Или переночуем тут?

– Ну, уж нет. Пробежимся до заимки. Мне хочется хоть немного, но в тепле поспать. И под крышей.

– А зачем тебе бежать? Вон лошадей сколько. Я сейчас отойду подальше, и они вернутся на поляну к своим хозяевам. Всё равно стреноженные они не могли далеко убежать.

Так и получилось. Стоило только волколаку уйти, как на поляну осторожно вышли кони. Судя по дрожи, которая сотрясала их сильные шеи, лошади были испуганы, однако преданность и благородство, присущие этим животным, не давало им покинуть своих хозяев. Мягко

переступая по земле копытами, они подходили к мёртвым телам и тыкались в них своими мордами, словно пытаясь разбудить. Женька забрал всех шестерых и погнал их к заимке.

На заимке никто не спал. Женщины сидели у печки, прижавшись друг к другу, а Кот с самострелом дежурил у окна. Он-то и заметил подъезжающего к дому Женьку.

– Ну, наконец-то, – облегчённо выдохнул он, впуская парня в комнату. – Как там дела?

– Всё нормально. Правда, повозиться пришлось. Но погони больше нет. Подробности потом, а сейчас спать. Я вымотался совершенно. И вам поспать не помешает. Завтра в дорогу. Я коней привёл. Верхами поедем.

– Конечно. Ложись.

Женя доковылял до своей лежанки и выключился, как только принял горизонтальное положение. Остальные тоже не заставили себя упрашивать. Опасность миновала, и нужно было отдохнуть перед дальней дорогой.

Утром, позавтракав, сразу вышли на улицу. Всё было уложено ещё вчера, поэтому долго не собирались. Навьючив на двух лошадях свой скарб, уселись на остальных и поехали. Кони, успевшие отдохнуть ночью, бодро везли своих седоков по еле видной дороге, начинающейся сразу за заимкой. Если дорога есть, то она куда-нибудь выведет, справедливо рассудил Кот. И Женька с ним согласился.

Ехали не быстро. В отличие от мужчин, привыкших ездить в седле, женщины этой наукой владели слабо, и им пришлось нелегко. Приходилось делать небольшие остановки, давая девчонкам походить и немного размять ноги. Кот мрачно ругался про себя, давая понять, как бесят его эти остановки, но Женька, неожиданно, проникся участием к бедолагам и ничего не имел против.

Татьяна мерно покачивалась в седле, морщась от боли. Внутренние части бёдер натёрло, и они прямо огнём жгли. Столько в седле она ещё не проводила. Чтобы отвлечься от саднящей боли, она стала думать о жизни. Вот, ведь, как судьба складывается. Жила себе в городе. Всё текло своим размеренным чередом. И, вдруг, дикари. Крики, убитые люди на улицах, пожары, тёмный душный подпол и плен. На этом спокойная жизнь закончилась. В плену пробыла мало. Уже на второй день чудом удалось бежать. А потом погоня, Боров, побег, опять погоня и, наконец, счастливое спасение. И вот уже она член этой странной группы, где нормальная только женщина. Кот – мутант с явными признаками кошачьих генов. А Женька, вообще, получеловек, полуволоклак.

Она бросила быстрый взгляд на парня. Он привлекал и, одновременно пугал девушку. Внешне и не скажешь, какой монстр прячется у него внутри. Высокий, ловкий, умелый. Вон, за один день всю группу едой обеспечил надолго. Только успевали тушки разделявать, да присаливать. С ним не пропадёшь. Да и симпатичный, чего греха таить? Вот только вчера днём видела она его в обращённом состоянии, когда он весть о преследователях принёс. В спешке не обратился сразу. Волосы от ужаса шевелились, пока он нормальным не стал. Весь напряжённый, с витыми канатами мышц, слегка ссутуленный, с хриплым рыком, вырывающимся из оскаленного рта. Нет. В тот момент это была пасть. Страшно было, аж жуть. И не ей одной. Даже Коту было неудобно рядом с напарником. А, с другой стороны, именно в таком состоянии он их спас. А Татьяну вообще два раза. В первый раз от людей Борова, когда они за ней гнались. То есть, вреда от этой его способности нет. А защита – отличная.

Никогда ещё девушка не чувствовала себя так безопасно, несмотря на то, что, вроде, спокойная жизнь кончилась и впереди ещё неизвестно, что ждёт. А потёртости болят, сил нет. И Катерине тоже несладко. Вон, в седле ёрзает. И кобыле под ней это не нравится. Храпит, да головой дёргает. Ведь, неумелый седок и лошади ещё та морока. Наконец-то остановка! Танька в раскоряку слезла с лошади и со стоном потянулась. Рядом так же потягивалась, разминая спину, Катерина. Картинка ещё та. Здорово же они выглядят в глазах мужчин! Эта мысль бук-

вально обожгла девушку, и щёки моментально вспыхнули. Превозмогая себя, Татьяна выпрямилась и, как можно грациознее, прошлась по поляне. Боль болью, а девушка должна выглядеть всегда хорошо. Ага, особенно во время первой встречи. Прямо красавицей была с колтуном грязных волос на голове и лицом, измазанным сажей. Ну, тут уж ничего не поделаешь. Обстоятельства.

Наклонившись, словно высматривая что-то среди пожухлой, тронутой лёгким ночным морозцем травы, девушка вновь бросила взгляд на Женьку. А, всё-таки, неплохой парень. За ним, как за каменной стеной. Сколько вились возле неё парни, а никогда не было такого чувства полной защищённости, как рядом с ним. Наверное, если и выбирать мужа, то именно такого, как он. От этой мысли щёки опять обдало жаром.

После обеда наткнулись на заброшенную деревню. Здравом подумав, решили остановиться здесь на ночёвку. Неизвестно, найдут ли они ещё что-нибудь подходящее до темноты, а ночи стали морозными и ночевать в наспех сооружённых шалашах никому не хотелось. Да и женщинам отдых, всё-таки, нужен. С непривычки намучались верхом. Выбрали дом в более хорошем состоянии и занялись печкой. Женька опять привязал к верёвке камень и прочистил дымоход. Бросив пук соломы в печку, поджёг его и убедился, что тяга есть. Умели же строить когда-то! Столько лет дом простоял, а всё работает. Пока Женька возился с печкой, Кот подремонтировал разбухшую от времени дверь, и теперь она стала плотно закрываться. Потом вместе прошлись по дому и позакрывали окна всякой рухлядью, что попалась под руку. Женщины навели относительную чистоту в помещении и занялись приготовлением ужина.

Остаток дня провели в праздном ничегониделании. Женщины закрылись в доме и занялись своими потёртостями, Кот просто сидел во дворе, лоя скупое тепло осеннего солнца, и жмурился от удовольствия, а Женька ушёл подальше, обратился и побежал по лесу вместе с волколаком. Нравилось ему это состояние абсолютной свободы и неодолимой мощи. В последнее время он часто ловил себя на том, что так хочется почувствовать, как наливаются руки нечеловеческой силой, до предела обостряются слух и обоняние, глаза застилает розовая пелена, а из груди рвётся хриплый рык, от которого в ужасе цепенеет всё зверьё вокруг. Парень бежал, мощно рассекая кусты грудью и наслаждаясь каждым движением.

Впереди, с шумом сорвался с места и бросился наутёк молодой кабанчик.

– Берём? – мелькнуло в голове.

– Берём, – согласился парень и стал охватывать животное справа.

– Гони на меня!

– Принимай!

Азарт охоты пьянил. Слегка обогнав кабанчика, Женька выскочил прямо на него. Кабан взвизгнул, затормозил всеми четырьмя лапами и бросился вправо, стараясь уйти под корнями густого орешника. Волколак налетел коршуном и одним ударом когтистой лапы разорвал его.

– Хорошая охота, брат.

– Мне понравилось.

– Держи. Половина твоя.

Всё-таки, вид питающегося волколака был Женьке неприятен. Окровавленная морда, хруст разгрызаемых костей и треск разрываемых сухожилий, кровь, капающая с оскаленных клыков. Зрелище не для слабонервных. Поэтому, причина для того, чтобы удалиться, нашлась быстро.

– Тогда ты кушай, а я отнесу мясо в дом.

– Хорошо.

– Кот, ты, кажется, свининки хотел, – проговорил Женя, сбрасывая с плеча заднюю часть туши.

– Ух, ты! – восхитился напарник. – Девчонки! Посмотрите, что у нас есть?

– Что ещё? – вышла на крыльцо недовольная Катерина.

– Мясо. Женька успел поохотиться и завалил кабанчика.

Высочившая на крыльцо Татьяна взвизгнула от радости. Да и Катюха быстро сменила гнев на милость.

– Сейчас присолим, а завтра что-нибудь приготовим из этого, – вынесла вердикт она. – Тащите в дом и разделайте.

Вот, вроде мелочь, а настроение поднялось у всех четверых. Таня даже стала что-то напевать, изредка бросая на Женьку взгляды. Остаток дня прошёл в приятных хлопотах. Не торопясь поужинали, болтая за столом о разной чепухе, потом ещё долго пили чай, наслаждаясь теплом и уютом и, наконец, легли спать.

С утра выехали отдохнувшие. И опять потянулась заросшая древняя дорога через лес, уже забывшая, как выглядит путник. Женщины верхом чувствовали себя уже уверенней, поэтому двигались гораздо быстрее, чем вчера. Несколько раз всё-таки, останавливаясь пришлось, хоть Катерина с Татьяной старались мужественно делать вид, что всё нормально. На обед расположились на небольшой поляне, разожгли костёр и поели запечённой в углях кабанятины. Конечно, запах дикого зверя никаким костром не отобьёшь, но, после долгого употребления зайчатины, свинина пошла на «Ура». Отдохнув, продолжили путь.

День клонился к вечеру, а на пути так и не встретилось больше ни одного населённого пункта. Ночевать на голой земле как-то не улыбалось. Женька откровенно забеспокоился, помня, как мёрз в ту ночь, когда они уничтожали преследователей. Тогда даже костёр не особо помогал. Не хотелось бы повторить этот печальный опыт. Однако, видимо, деваться некуда. Парень всматривался по сторонам, пытаясь отыскать что-нибудь подходящее для ночёвки. Подошёл бы сухой овраг, в склоне которого можно было бы сделать небольшую землянку или вымоина достаточного размера в земле между корнями большого дерева. Там можно было оборудовать неплохую берлогу, как делают медведи.

– Что ищешь, брат? – раздалось в голове.

– Нужно на ночёвку становиться. Вот и хочу отыскать какое-нибудь удобное место.

– А что, каменный дом не подойдёт?

– Да где же его отыскать-то?

– Впереди. Скоро увидишь.

– Вот за это тебе большое спасибо! Ты даже не представляешь, как меня обрадовал!

– Всегда рад помочь, брат.

Женька оглядел приунывших друзей и обрадовал новостью. Радости не было предела. Люди воспряли духом, и даже женщины, морщась, стали подгонять своих лошадей. Деревья расступились как-то внезапно, открыв взору забор, сложенный из камней, заросший диким плющом и местами завалившийся. Одинокая воротина перекосилась, оторвавшись верхней петлёй и укоренившись в землю нижним углом. Дорожка из каменных плит, почти невидимая из-под густо пробившейся в стыках пожухлой травы вела к большому четырёхэтажному зданию с каменным крыльцом в три ступеньки и огромными окнами без стёкол на входе. Сбоку от ворот стоял небольшой домик с маленькими подслеповатыми окнами, на удивление, застеклёнными треснувшим стеклом.

Большое здание привлекало мало, а вот домик был прямо к месту. Женька, оставив друзей на улице, слегка вошёл в волколачье состояние и проник внутрь, проверяя, нет ли в доме чего опасного. Домик был пуст. По сути, там была всего одна комната и небольшой чуланчик. Вдоль стен стояли четыре топчана, посередине – дощатый стол, а в углу – небольшая круглая железная печка, немилосердно закопченная. От печки в стену вела коленчатая железная труба, так же покрытая копотью и слоем ржавчины. То, что нужно для ночёвки. В чулане обнаружилось какое-то ветхое тряпье и остатки лопат. Женя позвал друзей внутрь.

– Ну, как? – приосанившись, поинтересовался он.

– Да это просто хоромы! – восхитился Кот.

– А грязи сколько! – сморщила носик Катерина.

– Вот вы уборкой и займитесь, – предложил ей парень, – а мы пока за дровами сходим.

Ходить далеко не надо было. Лес под боком. А за столько лет без человека валежника там накопилось много. Так, что спустя час огонь уже весело плясал за прикрытой дверцей, а железный бок печки медленно наливался малиновым цветом. По комнате разлилось живительное тепло. На плоской верхней части поставили котелок, над которым колдовали женщины, а мужики сидели в сторонке, чтобы не путаться под ногами. И крутили носами, ловя восхитительные ароматы готовящейся пищи. Настроение было приподнятым. Всё-таки ночёвка под крышей, это не под открытым небом. Шутки так и сыпались. А потом Татьяна запела. Голос у неё оказался неожиданно мелодичным и красивым. Да и песня, очень древняя, про рябину, которая влюбилась в дуб, была прекрасной и брала за душу.

Девушка любила петь, но делала это нечасто. Обычно, тогда, когда бывала одна. А тут, поддавшись всеобщему настроению, какой-то домашней атмосфере и уюту, вдруг, неожиданно для самой себя, запела. Пропев пару куплетов, она, вдруг, заметила полную тишину в комнате и обернулась. Друзья смотрели на неё с удивлением, смешанным с восторгом. Щёки моментально стали пунцовыми, Татьяна смутилась и выскочила из домика. Стоя у стены и подставляя холодному ветру свои пылающие щёки, она ругала себя последними словами, когда за спиной хлопнула дверь и сильные руки легли ей на плечи.

– Ну, что ты? – услышала она Женькин голос.

– Дура я! – со слезами в голосе выкрикнула она.

– Почему?

– Распелась тут. Вы, наверное, смеётесь надо мной. Распелась, как дура тупая.

– Зря ты так. У тебя красивый голос. А песня вообще замечательная. И очень древняя.

Мы тебя слушали с удовольствием.

– Это ты сейчас смеёшься надо мной?

– Даже и не думал. Нам действительно очень понравилось, как ты поёшь. И ещё, столько дней мы только и делаем, что подвергаем свои жизни опасности и преодолеваем трудности. От этого, кто хочешь, душой загрубеет. А тут песня. И душа сразу развернулась, а мир вокруг кажется уже не таким страшным и мрачным. Ты думаешь, почему наши предки такие красивые песни слагали и их пели? Для души. Им тоже, наверное, несладко временами приходилось. Потому, что, когда человеку легко живётся, ему не до красоты и душевности. Человек так устроен, что вспоминает о душе только тогда, когда ему тяжело.

– Ты, правда, так думаешь? – заглянула Женьке в глаза Таня.

– Да.

– И ни капельки не смеёшься надо мной?

– Ни капельки, – парень притянул девушку к себе.

Татьяна ткнулась лицом в широкую грудь, и ей стало так тепло и надёжно, что захотелось вот так стоять и стоять. Рядом мягко переступали с ноги на ногу лошади, а крепкие мужские руки прижимали осторожно её к себе. Усилием воли она мягко, стараясь не обидеть Женю, отстранилась и пошла в дом. Уже войдя в комнату, она наткнулась на одобрителный взгляд Катерины. В ответ на удивлённо вскинутые брови, Катюха перевела взгляд на появившегося за спиной девушки Женьку и ещё раз одобрительно кивнула. И опять щёки вспыхнули красным. Да что же она краснеет и краснеет! Опустив голову, Таня быстро подошла к печке и стала помешивать похлёбку, пряча покрасневшее лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.